

Корино Демино

ФИЛОСОФИЯ КРАСОТЫ

Карина Демина

Философия красоты

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68222951

Аннотация

Известный модельер создает необычные образы женщин. Его моделью мечтают стать миллионы девушек. Всем хочется попасть в сказку, в которой обычная женщина превращается в Мечту. Вот только они все через какое-то время... погибают. Какая тайна кроется за этим? Расследование заходит в тупик. Но вот на пути художника возникает кто-то, кому нечего терять...

Издавалась под псевдонимом Анна Терн «Химера»

Карина Дёмина

Философия красоты

"Крохотным созданием родилась крылатая Химера. Сверкала она красотой звездного Аргуса и ужасала уродством Страшного Сатира: чудом была она и чудовищем. И любила ее Ехидна, как раковина любит скрытую в ней жемчужину, и любовалась, как порхает вокруг пещеры невиданное создание, сверкая переливами своих удивительных перламутровых чешуек".

Я. Э. Голосовкер "Сказания о Титанах"

"Юноше Беллефонту убить заповедал Химеру Лютую, коей порода была от богов, не от смертных:

*Лев головою, задом дракон и коза серединой,
Страшно дышала она пожирающим пламенем
бурным.*

*Грозную он поразил, чудесами богов
ободренный."*

Гомер "Илиада", VI книга

Работу над Зеркалом Иоганн Лепеш закончил за день до ареста. О, его предупреджали, что Святая Инквизиция заинтересовалась скромным алхимиком, друзья даже предлагали помощь, деньги и укрытие, в котором можно было бы переждать грозу. А некоторые советовали и вовсе уехать из Праги, сменить имя и продолжать работу. Да, наверное,

следовало прислушаться к мудрым словам, но... но как он мог бросить труд всей своей жизни? Отступить в шаге от цели? Времени, чтобы закончить, требовалось совсем чуть-чуть. Неделя. День. Час.

И вот, наконец, великий момент настал! О, ради этого момента Иоганн готов был пережить десять арестов – Инквизиции он не боялся, у старого алхимика имелись покровители, заступничество которых убережет Иоганна Лепеша от гнева Псов Господних. А что до временных неудобств... к роскоши он и не привык. Да, в маленькой комнатке на Златой улочке теплее, и любимые книги остались там, да и толстуха Магда стряпает куда как лучше местного приорра, но главное там, на Златой улочке, осталось Зеркало Химеры, чудное творение, результат упорных трудов и долгих экспериментов.

Несомненно, оставшись в Праге, Иоганн поступил правильно – второго столь же благоприятного эксперименту положения звезд пришлось бы ждать не одно десятилетие. Иоганн не мог позволить себе ожидания столь длительного, он чувствовал, как точит тело червь болезни, как ворочается под сердцем, грызет печень, сплевывая кровью в слабеющие легкие. И не помогли от червя сего проверенные средства: ни крылья летучей мыши, ни рог единорога, приобретенный по случаю у заезжего палестинского торговца, ни кусочки мумии, растворенные в вине. Болезнь вроде отступала, но в скором времени возвращалась и с яростью, пище

прежней, вгрызалась в тело.

Одна надежда на Зеркало.

Вот он – Философский камень, чудо из чудес, величайшее достижение человеческого разума и плод научных изысканий скромнейшего из алхимиков Иоганна Лепеша. Иоганн чувствовал совершенно недостойную ученого мужа гордость: ему удалось то, что не удавалось доселе никому. Тысячи рецептов, столетья поисков, оплаченные кровью и загубленными жизнями – Святая Инквизиция стоглавым Аргусом следила за непокорной паствой – и Философский камень увидел свет.

Вернее, не совсем камень... Вернее, совсем даже не камень, но свойства его столь же чудесны. Зеркалу Химеры неподвластны секреты трансмутации – Иоганн успел провести несколько экспериментов со свинцом и железом, к сожалению, не удалось обнаружить и следа золота, что, безусловно огорчало. Но Зеркало было способно на нечто большее.

Что ценится не в пример дороже золота, алмазов и вообще благ материальных?

Душа. Бессмертная душа человеческая, столь же прекрасная, как лик Господень, ведь не даром человек создан по образу и подобию Его. К тому же Душа – бессмертна. Бренное тело погибнет, будет захоронено и позабыто, но бессмертная душа вечна. Многие ученые мужи пытались придать сие дивное свойство плоти человеческой, но потерпели неудачу. Плоть неспособна противостоять времени, а,

следовательно, создать чудодейственный эликсир, который продлил бы дни жизни человеческой, тоже невозможно. Зато возможно, изъяв душу, переместить ее в другое тело.

Иоганн перевернулся на другой бок, лежать на полу было жестко, холод ощущался и через копну соломы – к счастью, довольно свежей, оттого мягкой. Печально, что ему не позволили взять с собой чернила и бумагу, некоторые мысли стоили того, чтобы из записать, память ненадежна. Не более надежна, чем тело...

Впрочем, этот юноша, Альберт, которому позволяют беседовать с Иоганном, весьма способен, он не только внимательно слушает все, что говорит Лепеш, но и записывает, а значит, открытию суждена долгая жизнь и великая слава, нужно только подождать.

Но до чего прекрасным получилось Зеркало! Большое, почти в рост человека и поразительно чистое. Раму Иоганн украсил изображениями Химеры, Ехидны, Тифона и Аргуса, которым должно опекать чудное творение. Само зеркало не из полированного серебра или меди: Иоганну удалось загустить вечнотекущее звездное серебро, смешав его с красной ртутью и тайными травами. Поверхность поражала чистотой и глубиной, если приглядеться, то пред внутренним взором человеческим вставал весь хоровод Созвездий и даже Солнце с Луной. Если приглядеться... Чутье подсказывало Иоганну, что в Зеркало лучше не вглядываться, ему не по нраву праздное любопытство, оно само хочет смот-

реть и выбирать.

Что выбирать? Вернее, кого выбирать? Иоганн боялся ответа и восторгался собственными способностями. Несомненно, обращаться с Зеркалом следовало аккуратно, но гораздо больше Лепеша интересовал процесс трансанимации – он решил назвать его именно так, ибо ничего подобного в истории алхимии не случилось ранее. Как будет осуществляться перенос души? И в кого? Следовало ли принести Зеркало к умирающему, дабы тот испустил последний вздох, глядя в хоровод черных созвездий, а затем показывать Зеркалу новорожденного, в чьем теле еще не успела закрепиться душа?

Скорее всего. И новорожденный не должен быть крещен. Конечно, сие условие непременно, ибо крещение послужит своеобразным барьером... А, если в Зеркало посмотрит человек здоровый? Такой, который не собирается умирать? К примеру, сам Иоганн? Скорее всего, ничего не произойдет, у здоровых людей душа в теле держится крепко. А Иоганна, ко всему, амулет защищал.

Червь болезни внутри заворочался с новой силой, и Лепеш едва не заплакал от боли. Нужно лишь выйти из подвала, и тогда... Он доверит обряд кому-нибудь из ближайших учеников. Но, сначала, конечно, опробует метод на ком-нибудь... да, не важно, на ком.

Кашель сотряс тело. Столь сильного приступа прежде не случилось, Иоганн Лепеш откашливался долго, а еще

дольше утихала тупая нудная боль в груди.

Какое счастье, что есть Зеркало.

Перед глазами плясал хоровод из звезд и созвездий. Химера скалилась львиной пастью и виляла хвостом, разноцветная драконья чешуя сияла на крыльях, а грязная козлиная шерсть укрывало неуклюжее тело. Химера взмахнула крыльями и наступил Холод.

Оказывается, среди звезд очень холодно...

Смерть старого чудака, которого некоторые горожане считали колдуном, никого не удивила. Сырой, холодный подвал – не самое лучшее место для пожилого человека. Некоторые, правда, поговаривали, что Иоганн Лепеш умер не от старости или холода: сам Везельвул явился по грязную душу алхимика. Святая Инквизиция привычно отмалчивалась, не подтверждая, но и не опровергая слухи. Однако тот факт, что Лепеша похоронили за оградой кладбища, как самоубийцу, говорил о многом.

Еще большие мог бы рассказать Тадеуш, хозяин «Златого мяста», давний приятель Лепеша, в чьем доме алхимик, предчувствуя арест, укрыл большой деревянный короб. После смерти Иоганна, запечатанный сургучом ящик Тадеуш отволок в погреб и упрятал за бочками с пивом. Срывать печать с изображением непонятного зверя, он не решился, да и не любопытен был Тадеуш. Только изредка, перебрав пива, спускался в погреб и подолгу сидел, рассматривая короб.

Иоганн предупредил, что внутри находится нечто весьма и весьма ценное. И опасное.

Продать бы...

Творец

День не удался. Сначала эта статья в газете: дескать, известный, знаменитый, уважаемый Николас Аронов не чурается воровства. Крадет он не серебряные ложки, не бриллианты и даже не народное достояние, что в современной России уж и за грех не считается, нет, Ник-Ник нагло ворует идеи у молодых и неизвестных модельеров. А еще жестоко эксплуатирует бедолаг, присваивает себе чужие заслуги, и при всем этом строит из себя этакого благодетеля, ратующего за развитие отечественного модельного бизнеса. Бред, конечно, но все равно обидно.

Больше всего Ник-Ника покоробили не прямые обвинения, а грязные намеки, дескать, не модельный дом содержит господин Аронов, а бордель экстра-класса. Бордель... это ж надо было придумать такое. Определенно репортер, накропавший сей мелкий пасквиль, – злобный сексуально озабоченный тип, который только и способен, что завидовать чужому успеху. Наверное, в другое время Ник-Ник легко выбросил бы дурацкую статью из головы, но, как уже говорилось, день не задался.

Следующим неприятным моментом стал скандал с Ай-

шей. Если быть точнее, то скандалила именно Айша, а Ник-Ник терпеливо выслушивал претензии. Впрочем, претензий, как таковых, было немного: Айша хотела денег и свободы. Условия контракта ее, видите ли, не устраивают, а когда-то она на этот контракт молилась. Айшины вопли разбудили мигрень, свинцовыми шариками укоренившуюся в области висков.

Дура. Все модели – дуры, а эта...

На Айшу он найдет управу, напомнит ей, кем она была и кем стала. Терпеть ее истерики осталось недолго, ведь портрет почти закончен, а значит, время знойной Айши минуло. Дописать портрет и...

Предвкушение грядущего поиска успокоило, и Ник-Ник расслабился, представляя, как будет колесить по городам, взглядываясь в лица, старые и молодые, простые и сложные, круглые, овальные, треугольные, белокожие и смуглые, такие разные и в то же время одинаковые. Поиск будет длиться долго, но в конце концов, Ник-Ник отыщет ЕЕ, и все начнется сначала.

Ник-Ник расслабился, Ник-Ник успокоился, а зря. Но кто бы мог подумать, что Роми́, милый талантливый мальчик Роми, на которого Ник-Ник возлагал большие надежды, окажется предателем? Аронов в жизни не поверил бы, что такое возможно, но документы, собранные службой безопасности, говорили сами за себя. Роми – по паспорту Роман Сумочкин – сливал конкурентам информацию о новых разработ-

ках "л'Этуали", а еще помог переманить трех перспективных девочек. Коллекцию под его именем видите ли пообещали выпустить. Дешевка, да кому он нужен!

Рома Сумочкин!

Предатель.

Разбирательство с мальчишкой Ник-Ник решил отложить до завтра: оно обещало быть долгим, нудным и слезливым. Роми станет умолять о прощении и клятвенно пообещает, что ничего подобного не повторится. А, когда поймет, что все просьбы и обещания пропадают втуне – Ник-Ник предателей не прощал – перейдет к угрозам. Неприятно, ой как неприятно...

Да, это дело подождет до завтра, на сегодняшний вечер у него есть занятие.

Когда премию "Золотая игла", учрежденную каким-то банком, которому захотелось вдруг продемонстрировать свое богатство хороший вкус, вручили не Николасу Аронову – а ведь учредители почти на коленях умоляли принять участие в дурацком конкурсе и Ник-Ник согласился исключительно по просьбе хорошего приятеля – а какому-то никому неизвестному мальчишке, Ник-Ник почти не удивился.

День такой. Поганый. И не нужна ему эта премия, пустой звук, пшик, сегодня есть, а завтра нет, и с мальчишкой этим также будет. Сегодня есть, а завтра нет. И имени его никто не запомнит, то ли дело Николас Аронов. Николас Аронов – это даже не имя, это марка, брэнд, альфа и омега красоты.

Целая Вселенная, которой нет дела до каких-то там банков и мелких премий, ими учрежденных.

Но обидно, право слово, обидно. Уже завтра полетят слухи-сплетни, дескать, выдохся Аронов, уступил гению из глубинки, особо ретивые станут гавкать, что давно уже наблюдали признаки упадка, что все к тому шло и "л'Этуаль" доживает последние месяцы...

Ну почему все в один день? И Айша, гадкая девчонка, не упустила момент, чтобы укусить побольнее. Слово за слово и вспыхнул скандал – Ник-Ник уже и не помнил, когда он в последний раз скандалил, вот так, с воплями, взаимными обвинениями и использованием ненормативной – фу, какая гадость – лексики. Скандал закончился пощечиной, которую Аронов вlepил Айше – придется завтра прощения простить, а эта гадина несомненно воспользуется чувством вины и выклянчит себе какую-нибудь поблажку. К примеру, шубу из последней коллекции, дорогая штучка, но, бес с ней, с шубой, Айша пока важнее.

Раздражение сказочным змеем свивалось в груди, и мигрень с новой силой в виски вгрызается. Нет, так он определенно не заснет, а на завтра будет мучиться головной болью пополам с раздражением.

И припарковав машину у обочины, Ник-Ник выбрался наружу. Прогулки всегда помогали ему прийти в себя, а вечер сегодня замечательный, вроде и осень на дворе, но еще тепло, воздух относительно свежий, ветер ласково перебирает

пряди волос, успокаивает. Как давно он не гулял, просто так, без всякой цели, без спешки, наслаждаясь каждой минутой. Все проблемы-заботы остались в машине, и можно представить... или ничего не представлять, просто идти по улице, как когда-то давно, в детстве, когда не хотелось возвращаться домой, а хотелось бродить по городу ночь напролет.

Сладкое наваждение отпустило не сразу, оно медленно растворялось под грузом забот, а растворившись окончательно, оставило после себя томный привкус сентябрьских сумерек и ночных фонарей.

Ну, и куда он забрел? Как теперь машину искать? В московских дворах запутаться – раз плюнуть, а уж неприятностей на свою голову найти – тут и раза не надо, только подумай, а они, неприятности, уже здесь. Ник-Ник шел быстрым шагом, кожей ощущая грядущую беду. Откуда? Он не знал, вроде бы все спокойно: двор, дома, деревья, детская горка, похожая на горб удивительного зверя, машины... машина. Затаилась. Фары не горят, но мотор работает, его урчание будоражит ночь и неприятным холодком вползает под рубашку. Зачем кому-то сидеть без света?

Глупости, может, парочка целуется, или, судя по отсутствию света, дело зашло гораздо, гораздо дальше. Или кто-то кого-то ждет, или... Додумать Ник-Ник не успел: дверца со стороны водителя открылась и в следующий миг грянул выстрел.

Больно? Больно! Как же больно. Будто... не с чем срав-

нить. Некогда сравнить. Николас бросился в темноту, там, во дворах, его спасение. Тот, кто науськал боль, не отстанет, будет идти по следу, чтобы... убить. Убить?! Дико. Зачем кому-то убивать Николаса Аронова?

Зачем? Зачем? Зачем? Мысль пульсом отдавалась в висках. Мысль уговаривала отдохнуть, убеждая, что убийца обознался, и стреляли вовсе не в Ник-Ника, и если остановится, то ничего страшного не произойдет. Аронов бежал – прощай ботинки, да здравствует здоровый образ жизни и тренажерный зал. Бежал, не разбирая дороги, лишь бы вперед, лишь бы подальше от смерти.

Он тысячу раз рисовал смерть, а она оказалась... она оказалась такой неприглядной. Быть может, в другой ситуации – черные простыни, вино, похожее на кровь, белые розы и бледнолицая дева с печальными глазами – Ник-Ник и согласился бы умереть, но не сейчас и не здесь. Труп в подворотне, в грязи, среди собачьего дерьма, истоптанных чужими сапогами листьев, пустых пачек от «Аполлон-Союза» и использованных презервативов? Нет, только не это... Только не...

Стена.

Стена! Чертова стена перегородила путь. Слева дом – темная громада с желтыми, подслеповатыми глазенками окон, справа второй дом, впереди стена, а сзади убийца. Ник-Нику казалось, он слышит шаги.

Только не здесь, только не в подворотне. Какому дьяволу душу продать, чтобы указал выход? Если б не было так боль-

но и так страшно, Ник-Ник бы посмеялся.

Спрятаться, нужно спрятаться. Где? Мусорный бак? О, он залез бы и в мусорный бак, к бродячим котам и тухлой картошке, но здесь даже баков и тех не было! Зато... Как это он сразу не заметил. Люк. Приоткрытый канализационный люк, словно окно в преисподнюю.

Шаги приближаются. Действовать, скорее действовать. Ник-Ник потянул за край, от боли в глазах разлились звезды. Скорее, с болью он разберется потом. Крышку удалось откатить в сторону, теперь вниз. Остается тешить себя надеждой, что здесь не глубоко.

– Господи, помоги. – Пробормотал Ник-Ник, и, зажмурившись – он с детства боялся высоты – прыгнул вниз. Твердая земля ударила по ногам, потом по руке, голове, и превратилась в поле. Белое-белое поле...

Умирать, оказывается, совсем не страшно.

Химера

Живущие в темноте ненавидят свет, это так же верно, как то, что сама темнота невозможна без света. Он, такой далекий и ненавистный самим фактом существования отравляет жизнь, ведь, если есть свет, то есть и те, кто живет на свету. Им нет нужды прятаться, стыдливо кутаясь в паранджу из ночи, они ведь красивые...

Красивые.

Отдельная каста, дети солнца, баловни жизни, которые даже не понимают, сколь щедро награждены Господом. Аллахом? Буддой? Или кем-то другим, кому на роду написано играть шутки с людьми. Плевать на всех Богов и Дьявола в придачу. Знаю лишь, что эта каста закрыта. Индийские раджапуты умирают от зависти, английская аристократия презрительно отворачивается, а твари, подобные мне, зарываются поглубже в темноту.

Если надвинуть капюшон, то лица почти не видно. Тень для тени. Смешно, я уже привыкла быть тенью и теперь, когда кто-нибудь из особо любопытных заговаривает со мной, вздрагиваю от неожиданности. Я уже почти забыла – каково это, говорить с человеком, и не просто говорить, а смотреть в глаза и ловить в них свое собственное отражение.

Пацанье на лавке, невзирая на все запреты, в открытую хлебало пиво, курило, швыряя бычки прямо под ноги и нагло задирало редких прохожих. Наблюдала я за ними довольно долго, в последнее время мне нравится наблюдать за людьми, чувствую себя причастной к жизни, хотя обман, очередной обман...

– Эй, киска, – кажется, меня заметили. С лавки вальяжно, точно дрожжевое тесто, выползающее из кадки, поднялся парень. На вид лет пятнадцать-шестнадцать, крашенные волосы – у корней проскальзывает предательница-чернота, колечко в нижней губе, из уха торчит провод плеера, а на шнурке болтается плоское тельце мобильного телефона, причем болта-

ется где-то в области живота. По всему видать: парень модный и небедный, а, значит, нахальный. В желудке заурчало. Жрать хочется, кажется, сегодня я еще не обедала. Впрочем, с крашеным парнем это никак не связано. Просто... просто мысль возникла.

– Гуляешь? – Он подошел достаточно близко, и я ощутила целую какофонию запахов: пот – этот малолетний подонок судя по вони, в последний раз принимал ванну в прошлом году – туалетная вода, которой этот урод пытался перебить запах пота. Сигареты. Пиво. И что-то еще... кажется... да, точно, травка. Повезло, нечего сказать, в первый раз за две недели выбралась на поверхность, и на тебе, наткнулась на начинающего наркоша. Сама виновата, нечего было торчать, наблюдая за ними.

А жрать все равно хочется.

– Эй, детка, может с нами посидишь? – Малец звучно рыгнул и поскреб лапой впалое брюхо. Дедушка Дарвин может спать спокойно, его теория только что получила очередное подтверждение. На этой тупой роже проступают черты обезьяны.

– Отвали.

Ржет. Уверен в собственном превосходстве, тоже мне хозяин жизни выискался, ты – не хозяин, ты шакаленок, обитающий на границе света и тьмы, готов напасть на слабого, лишь затем, чтобы продемонстрировать собственную удаль, но, стоит показаться тому, кто заведомо сильнее тебя, и ты

ползаешь, демонстрируя брюхо, и умильно заглядываешь в глаза, надеясь, что не ударят. Шакал. Среди людей много шакалов.

– Киска сердится. – Заявляет пацаненок, оборачиваясь на остальных. Сидят. Мусолят глазами улицу, лениво почесываются, еще более лениво переругиваются друг с другом. Стая. Шакалья стая. – Киске мама запретила разговаривать с незнакомыми мальчиками! – Стая заливается довольным лающим смехом, и воодушевленный поддержкой, мой мучитель продолжает. – Киска прячет личико. Гюльчитай, покажи личико?

Грязная лапа тянется к капюшону, и в следующее мгновение кожи касается ласковое дыхание ночи. Сегодня тепло. И светло. Достаточно светло, чтобы он хорошо рассмотрел.

– Ну, ты и уродка! – В его голосе почти восхищение. Шакалий запах выветривается, становится безопасно-равнодушным. К таким как я не пристают маньяки и даже дурные от выкуренной травки подростки предпочитают обходить стороной.

Уродство заразно. Проказа, чума и геморрагическая лихорадка Крым-Конго-Хазер в одном флаконе. Стоит прикоснуться, и оно переползет, перекинется на тебя. Мальчишка отдергивает руку и даже вытирает ее о штаны. Дурак.

Шакалья стая осталась в подворотне, они не препятствовали моему уходу. Боялись. Не меня – той печати уродства, что страшнее проказы, чумы и геморрагической лихорадки.

Люблю ночь за темноту, в ней мое спасение и мой покой. Я уже привыкла избегать освещенных улиц и витрин, в которых можно ненароком увидеть собственное отражение. Почему-то в отражениях я выгляжу особенно мерзко.

Остался один поворот и я дома. Наверное, никто из нормальных, живущих на свету, существ не решился бы назвать это домом. Но я привыкла. Там хорошо.

Спокойно.

Чтобы попасть домой, нужно отодвинуть крышку люка и спустится вниз по вмурованным в стену шахты скобам. Они старые и скользкие, но я привыкла. Пахнет... пахнет здесь дерьмово. Но я привыкла. Привыкла ко всему, кроме собственной внешности.

Мой люк был открыт. Странно. Неужели диггеры? Если эти крысы добрались до моего дома... Убью! Или авария? Теплосети, канализация, водопровод, землетрясение, обрушившее стены моих родных катакомб?

Всего-навсего труп. Лежит прямо под лестницей, свернувшись калачиком, колени касаются подбородка, руки прижаты к животу. Круглое пятно света – спасибо фонарику – переползло с высокого, украшенного тремя глубокими складками лба, на вызывающе римский – славься Империя, канувшая в Лету, твои легионы добрались и до дремучих просторов Руси – нос. Потом, соскользнув со скулы незнакомца, пятно прыгнуло на щеку, и, наконец, добралось до подбородка. О, на этом подбородке хватило бы места для прожекто-

ра, а не только для худосочного лучика, порожденное копечным фонариком псевдоамериканского производства. Разглядывать труп было... забавно. Красивый и мертвый – слабое утешение живой уродине. Нужно убрать его отсюда, пока не загнил. Куда убрать? В смысле, выволакивать наверх, к людям, или утащить поглубже в подземелье? А как утащить? С виду в нем килограмм восемьдесят будет.

Вот сволочи. Это я о тех, кто приготовил мне такой "подарок"; не могли спрятать получше. От злости и обиды за испорченный вечер, я пнула тело неизвестного красавчика. Он застонал и открыл глаза.

Приплыли.

Дневник одного безумца.

Сколько я себя помню, ты всегда была рядом. Августа, милая моя Августа, мой ангел-хранитель, моя муза, моя бедная фантазерка. Зачем я это все пишу? Сам не знаю, да и не хочу задумываться. Принято считать, будто дневники – удел томных барышень, обитавших на пыльных страницах позапрошлого века. В дневниках пишут о любви и сердечных страданиях, закладывая меж страниц сушеные лепестки роз и вырезанные из фольги сердечки. Что ж, для меня это вполне подходит. Не сердечки и розы, конечно, а воспоминания. У нас с тобой много общих воспоминаний.

Когда же мы познакомились? В третьем классе? Правильно, тебя привела классная, помнишь нашу классную с ее

вечным неподдающимся износу трикотажным костюмом, уродливыми очками и бородавкой на подбородке.

– Знакомьтесь, дети, это Августа, она будет учиться в нашем классе.

Ты вошла в мою жизнь и осталась в ней навсегда. Звучит патетично, а в тебе не было ни грамма патетики. Я видел, как ты боялась нас, каким печальным взглядом провозжала классную, как нехотя тащила портфель к указанному учительницей месту. Тебе не понравилась школа, класс да и все мы, а нам не понравилась ты.

Задавака. Этот ярлык приклеили к тебе раньше, чем ты успела сказать "здравствуйте". Ни у кого из нас не было родителей-дипломатов, никто из нас не бывал за границей, а ты жила там целых семь лет и еще несколько месяцев, никто из нас не был в состоянии позволить себе розовый пенал с Микки-Маусом, и белый, удивительно мягкий ластик. А у тебя был и пенал, и ластик, и разноцветные заколки-бабочки, и чудесные переводные картинки, и совершенно удивительные карандаши для рисования. Целых восемнадцать цветов...

Зачем я все это вспоминаю? Просто мне очень нужно понять историю наших отношений. Хочется верить, что именно там, в истории я отыщу причину твоего побега, что пережив все наново я пойму, почему ты бросила меня... Августа, если бы ты знала, как мне тяжело.

На чем я остановился? Ах да, на нашем с тобой знаком-

стве. На тебе коричневая школьная форма с белыми манжетами и кружевным воротничком, белые гольфы до колена и белые банты, чудесными астрами распустившиеся на твоих волосах.

— Хочешь яблоко? — спросила ты и покраснела, тебе очень хотелось с кем-нибудь подружиться, чтобы не было так страшно, но девчонки тебя отвергли. Из-за Машки Вилухиной, которая не желала уступать лидерских позиций. Помнишь Машку? Конечно помнишь, она ведь тоже убивала тебя. Первая красавица, первая ученица, активистка... Убийца... Где она теперь?

Машка всегда тебе завидовала, а ты не замечала ее зависти, ты вообще ничего вокруг не замечала, маленькая Ева-искусительница с яблоком в руке.

Тогда я не думал ни про Еву, ни про искушение, ни про яблоко. Я увидел твои глаза и пропал, а ты стояла и робко улыбалась. Домой мы возвращались вместе, с этого дня каждый день вместе, я нес твой портфель и старался не обращать внимания на дурацкие шутки.

Тили-тили-тесто

Жених и невеста...

Меня это дико злило и однажды я не выдержал и влез в драку, родителей потом вызывали в школу и отец долго лечил меня ремнем.

Глупые и счастливые детские воспоминания. Я бы отдал все, лишь бы вернуться в прошлое, чтобы снова неспешная прогулка от школы до дома, высокая трава прогибается под рукой, желтоглазые ромашки и жуужжащие шмели. Ты что-то рассказываешь, но я не слушаю – люблюсь.

Наверное, я все это выдумал, какая любовь между третьеклассниками, какие ромашки, шмели и трава... фантазии, очумелые несбыточные фантазии уставшего от одиночества человека. Но мне очень хочется верить в эти воспоминания.

Скажи, Августа, так ли это было на самом деле?

Химера

При ближайшем осмотре оказалось, что раненому до состояния трупа далеко, в этом я кое-что понимаю, уж поверьте на слово. Ранение в плечо, пуля прошла на вылет, крупные сосуды не задеты – мой незванный гость оказался на удивление везучим типом – и большая шишка на лбу. Скорее всего, заработал во время падения.

Выжить-то он выживет, но наверх поднять я его не сумею, бросать тоже как-то не по-человечески, а звонить в «Скорую» или спасателям, оно мне надо? Вопросы задавать начнут, потом, не приведи Господи, обвинят еще, что это я его... Нет уж, очухается, пусть сам своих киллеров недоделанных ловит.

А пока... а пока отволокла его в свою нору – не скажу, каких усилий это стоило, наверное, с трупом было бы не в пример легче, его за ноги волоочь можно, не заботясь о том, что голову ушибет. Трупам, оно уже все равно, а моему го-стю пока нет. Пару раз он стонал, мычал нечто невразуми-тельное, но потом снова потерял сознание. И хорошо, без со-знания боль легче переносить.

Кое-как затолкав тело на кровать, я едва не рухнула ря-дом в полном изнеможении, все-таки силенок для подобного рода подвигов у меня маловато. Ладно, дальше все просто: разрезаем одежду, осматриваем рану – как я и предполага-ла, пуля прошла на вылет. Дырочка выглядела аккуратной и чистой, будто проделали ее в кабинете хирурга или, на худой конец, в хорошем тату-салоне. Рану перевязать и на всякий случай вкатить антибиотика, это дело никогда не помешает. Даст Бог, завтра мне удастся от него отделаться.

Шишку я попросту проигнорировала, подобные «боевые» ранения сами неплохо заживают. Следующим пунктом ста-ли карманы типа. В одном обнаружили права на имя Ни-колая Петровича Аронова, в другом бумажник, порадовав-ший глаза десятком разномастных кредитных карт и доволь-но-таки крупной суммой налички. Фи, Николай Петрович, подобные суммы носить с собой не то, что опасно – попро-сту неприлично.

Что ж ты за птица такая?

Якут

Источником всех своих неприятностей капитан Эгинеев справедливо считал имя. А в придачу фамилию и отчество. Кэнчээри Ивакович Эгинеев, кто захочет взять на работу человека с именем, о которое не то, что язык – ум сломаешь. А коли уж наградил Господь подобным подчиненным, то след держать его подальше, чтобы не раздражал лишний раз начальственные уши неблагозвучным именем.

На втором месте стояла внешность, а на третьем – непробиваемое убеждение людей, что человек, который хоть чем-то выделяется из толпы, если конечно этот человек – не знаменитый певец, политик или киноактер, по определению хуже. А если у тебя внешность карикатурного чукчи и труднопроизносимое для среднестатистического человека имя, то на карьере смело можно ставить крест. Тут не помогут ни ум, ни находчивость, ни готовность работать от рассвета до заката и после оного. Сложные логические построения "доброжелательные" коллеги поднимут на смех, правильность выводов подвергнут сомнению, щедро приправленному несмешными шутками, или, в лучшем случае, спишут на удачу, которая дураков любит. А любовь к работе обзовут глупостью, свойственной лишь дикарям.

С точки зрения Кэнчээри Иваковича глупыми были как раз-то коллеги, ограниченные, зашоренные и ленивые, гото-

вые с легкостью пообещать что угодно, а спустя минуту забыть об этом. Капитан Эгинеев обещания давал осторожно и старался держать слово, но сие обстоятельство странным образом лишь укрепляло репутацию дикаря. Хорошо, хоть чукчей уже никто не называет, раньше бывало... Два года Кэнчээри Ивакович с пеной у рта доказывал, что он вовсе не чукча, а якут – дурной был, надеялся изменить что-то, но заработал лишь кличку. Якут.

Глупые люди, чего с них взять.

Плохо только, что начальство тоже люди, и относится к капитану Эгинееву с тем же пренебрежительным снисхождением, что и коллеги. Терпеть – терпят, за вовремя раскрытые дела хвалят, но осторожно, чтобы ненароком не обидеть "настоящих" работников, за нераскрытые – ругают, но тоже осторожно – не приведи боже обвинят в национализме. Зато звездочки на погоны, премии, отпуска и прочие мелкие и крупные радости жизни достаются в первую очередь другим.

Одна радость – работа. Отец Эгинеева охотником был, дед охотился, прадед и прапрадед, и сам Кэнчээри Ивакович не посрамил чести родовой. Пусть он не на песца охотится, не на лису и даже не на медведя – зверя куда опаснее промышляет капитан Эгинеев, хитрого, свирепого, и до крови жадного, ибо людей, что, позабыв про наказания предков, убийства совершали, Кэнчээри Ивакович людьми не считал. Какие ж то люди – звери, и охота на них – занятие почетное.

Так он думал, когда шел работать в милицию, и за семна-

дцать лет мнение нисколько не изменилось. Страна изменилась, порядки изменились, отношение людей к милиции тоже изменилось, но не мнение капитана Эгинеева.

Сегодняшнее дело было непонятным. Вернее, не понятно, будет ли дело, но начальник все ж таки послал Эгинеева разбираться, чтоб потом не говорили, дескать, милиция бездействует, игнорируя разгул преступности. А Кэнчээри Ивакович к поручению отнесся серьезно: есть вызов – надо разбираться.

Мотороллер – подарок троюродного брата и еще один, дополнительный повод для насмешек – быстро домчал в нужный район. Мотороллер – не машина, в любую щель в пробке пролезет, или закоулочками, дворами вывезет. Свою машину капитан Эгинеев ценил и берег, глупые пускай смеются, а ведь никто из управления не приезжал на вызовы быстрее Кэнчээри с его мотороллером.

Нужный дом нашел сразу, район из новых, но дорогих. Впрочем, в Москве все дорого, сам факт наличия у человека квартиры – пусть однокомнатной, пусть где-нибудь на окраине, пусть в неудобном, грязном, промышленном районе, но своей, собственной квартиры – возносил счастливица на недосыгаемую высоту. Если же жилплощадь располагалась в тихом, симпатичном месте, ее цена мгновенно увеличивалась раза в два-три.

Эгинеева квартирный вопрос интересовал потому, как у сестры возникла замечательная идея разменять их трехком-

натную квартиру, доставшуюся от родителей, на две, и разъехаться. Сестра собиралась замуж и страстно желала самостоятельности. Кэнчээри не возражал, и потому все свободное время проводил в компании риэлторов и квартир. Однокомнатные, двухкомнатные, трехкомнатные, дорогие и очень дорогие. Старой, новой, чешской и брежневской планировки. Сталинки и хрущевки. Бывшие коммуналки и переоборудованные в жилье подвалы. Вариантов множество, но ни одного подходящего.

Данный район нельзя было отнести к очень дорогим, но и дешевым он тоже не был. Уютный чистый двор с яркой пластиковой горкой и песочницей, на клумбах цветут бархатцы и белоснежные астры, автомобильная стоянка расчерчена на ровные квадраты с номерами, а дверь в подъезд металлическая, с домофоном, и – о чудо из чудес! – без похабных надписей.

Милицию ждали, и дверь открыли сразу. В семнадцатую квартиру – минимум три комнаты плюс отдельный санузел, кухня и кладовая – набилось много народа. Парень в форме, должно быть или охранник, или консьерж, девушка с зареванной мордахой, женщина с тяжелым взглядом и черными усиками над верхней губой и старуха в халате и с полотенцем на голове.

К появлению капитана Эгинеева они отнеслись по-разному.

Парень окинул Кэнчээри Иваковича профессиональ-

но-недоверчивым взглядом, точно подозревал в чем-то нехорошем. Девушка при виде красных корочек заревела с новой силой, женщина с усиками моментально заохала, захлопотала вокруг рыдающей девицы, точно курица-наседка. А старуха в халате, презрительно поджав губы, заявила:

– В мое время милиция приезжала на вызовы гораздо, гораздо быстрее. – Голос у нее был скрипучий, так скрипит старое, сухое дерево, потревоженное ветром. – И одевались соответственным образом.

Упрек заслуженный, но привычный. Эгинеев форму уважал, но надевал редко, в особо торжественных случаях, вроде приезда какой-нибудь комиссии, в остальное время предпочитал демократичные и удобные джинсы, ибо еще в первые годы службы усвоил, что форма на нем смотрится... забавно.

– Прошу прощения.

Старуха величаво кивнула и, достав из кармана халата трубку, пробурчала.

– Надеюсь, допрос много времени не займет?

К трубке полагалась специальная зажигалка и некоторое время Эгинеев наряду с остальными, собравшимися на кухне, заморожено следил, как мадам – после трубки называть даму в халате старухой язык не поворачивался – ловко орудует странным приспособлением. Курила она медленно, со вкусом, выпуская изо рта ровные, точно циркулем очерченные колечки дыма. Колечки были белого цвета и отчего-то

пхали яблоками.

– Итак, долго нам еще ждать?

– Простите. – Кэнчээри смутился, надо же как нехорошо вышло, рассматривал бедную женщину, точно забавную игрушку, позабыв, насколько сам ненавидит такие вот изучающе-удивленные взгляды.

– Вы не русский. – Констатировала дама. Трубка в ее руке смотрелась... круто. Она удивительнейшим образом гармонировала и с розовым, махровым полотенцем, и с тапочками в восточном стиле, и с байковым халатом, и с хитрым прищуром глаз. – Молодой человек, вы вообще слышите, о чем я спрашиваю? Вы – не русский?

– Якут. – Зачем-то ответил Эгинеев, хотя обычно предпочитал обходить вопрос национальности стороной.

– Это хорошо, что не русский. Не люблю русских. Абсолютно беспомощный, безалаберный народ, который, вместо того, чтобы работать, надеется на помощь мифической золотой рыбки.

– Простите, а... – Эгинеев в присутствии странной дамы растерялся, чего не приключалось с ним вот уже... да в жизни не приключалось.

– Я – Петроградская Революция Олеговна. Возраст восемьдесят девять лет, но до маразма далеко. Роман – мой внук. Леди в бордовом – Серафима Ивановна, наша домоуправительница. Сей милый юноша, любезно откликнувшийся на наш зов – Сергей, служит при доме консьержем.

Хоть убейте, не понимаю, зачем ставить железную дверь с постоянно заедающим замком, если в подъезде все равно дежурит консьерж? – Риторический вопрос остался без ответа, впрочем, Революция – капитан Эгинеев ощутил острый прилив симпатии к леди с трубкой, которой тоже не повезло с именем – Революция Олеговна в ответах не нуждалась и, не дожидаясь просьбы, продолжила знакомство.

– А это, – худой палец ткнул в сторону ревущей девицы, – Леля, его девушка... Современный язык куц, как и вся современная жизнь. Девушка... в мое время эту особу назвали бы иначе.

– Мы собирались пожениться! – От злости на пухлых белых щечках Лели проступили красные пятна. – Мы уже и заявление почти подали!

– Почти подали, – пыхнула дымом Революция Олеговна, – надо же, как мило. И, деточка, успокойтесь, слезы в присутствии посторонних – дурной тон.

– Фашистка. – буркнула Леля.

– Этническая немка, деточка, а это – несколько иное.

– Простите, дамы и господа, но, быть может, предоставите мне возможность разобраться в происходящем?

– Пожалуйста. Разбирайтесь. Это ваша работа, в конце концов. – Революция Олеговна смотрела с насмешкой, точно заранее знала: ни в чем капитан Эгинеев не разберется. – Тело в ванной комнате. Какая пошлость...

– Спасибо. – Только и смог выдавить Эгинеев. Эта да-

ма сделана из того же прочного, огнеупорного материала, что и ее трубка. Тело в ванной комнате... пошло... Петроградская – весьма революционная фамилия – мыслила совершенно недоступными пониманию Эгинеева категориями. Разве смерть может быть пошлой? Смерть – это всегда смерть. Несчастье, горе для близких, а она так равнодушно, будто бы и не о внуке речь идет.

Вышеуказанное тело лежало в ванной. Остывшая вода, жалкие клочки пены, словно остатки славного будущего, голова некрасиво свесилась на бок, мокрые волосы прилипли ко лбу, в уголке рта – темная полоска свернувшейся крови. На первый взгляд...

На первый взгляд ничего определенного сказать нельзя. Явных ран, вроде дырки во лбу, резаных вен или ножа под лопаткой, не имелось, нужно ждать приезда бригады, вскрытия, отчета патологоанатома. В общем, нужно ждать.

Хорошо, если парень сам умер: сердце прихватило или еще чего, а, если не сам? На краю белоснежной раковины стоит пустой бокал. Хрусталь? Похоже на хрусталь. На доннышке остатки жидкости. Отравление? Нет, глупо делать выводы до официального вскрытия. Глупо и непрофессионально. От бокала пахло шампанским и миндалем.

Это еще ничего не значит. Ровным счетом ничего. Отравление. Травить врага нынче не модно, отравление, как способ убийства, кануло в Лету вместе с богатым испанским двором, кружевными воротниками, перстнями-иглами, шка-

тулками с "секретом", бургундским вином, один глоток которого отправлял на небеса, и безграничной властью рода Медичи.

Травить ныне не модно. Модно силиконовая грудь, мобильник последней модели и киллер с интеллигентной снайперской винтовкой. А отравление... пыль веков и грустная улыбка на губах прекраснейшей Лукреции Борджиа...

Вместо веера – джинсы, небрежно брошенные на бак с бельем, вместо кружевного воротника шелковых чулок – полотенце и носки, вместо перстня... бокал? Бургундское-шампанское. Мышьяк-миндаль-цианид?

Нет, выводы делать рано. Капитан Эгинеев вышел из ванной комнаты и аккуратно прикрыл дверь. Пусть эксперты разбираются, а он просто поговорит со свидетелями.

Два дня после...

Париж плакал мятым золотом опавших листьев, холодным дождем и ранними сумерками. Акварельная осень удивительным образом подходила для горя, сдержанного, изящного и легкого, как сами краски. Серж впервые в жизни сожалеет, что не обладает талантом, эту осень следовало запечатлеть, вместе с листьями, дождем, сумерками и смертью Адетт.

Страха не было: полиция относилась к нему с сочувствием и пониманием, а к Адетт, мертвой Адетт, прекрасной Адетт с профессиональным равнодушием.

Она бы оскорбилась.

Она умерла.

– Сенсация! Сенсация! – Звонкий мальчишеский голос проникал в уютную тишину кафе. – Разгадана тайна! Адетти – самоубийца! Сенсация! Покупайте...

Разгадана, как же... Серж ни на секунду не поверил уличному зазывале, как не верил газетам и полиции. Адетт и самоубийство, более несовместимых вещей и придумать невозможно.

Но кофе остался нетронутым – Серж проверил. Значит... ничего не значит.

Эта смерть была прекрасна уже потому, что таинственна.

Таинственна, как сама Адетт.

Вся ее жизнь состояла из тайн маленьких, которые быстро переставали быть тайнами и плавно переходили в разряд сплетен, и тайн больших, о них оставалось лишь гадать. Даже Серж не был уверен, что знал о ней все. Взять хотя бы те полтора года, когда она пропала неизвестно куда, а потом появилась и предложила уехать в Париж. Серж знал об Адетт больше, чем кто бы то ни было, достаточно, чтобы заглянуть под маску, но недостаточно, чтобы понять.

Серж видел ум, очарование, богатство, несомненный талант. Серж закрывал глаза на стержневой характер, истеричность и взбалмошность, граничащую с безумием. Клят-

вы в любви и выходки, от которых ненависть застилает глаза, тонкая игра на острие ножа и безумная пляска на горящем помосте, в ней было все и ничего...

Ничего не осталось от Адетт Адетти. Ванна на львиных лапах, до краев наполненная холодной водой, легкий запах лимона, нетронутая чашка кофе, бутылка шампанского и пустой бокал.

Когда-то Адетт создавала моду, легко, играючи, с насмешкой над подражателями. Один вечер с Джоном-из-Техаса, и в моду вошли американцы. А еще веера, шляпки с широкими полями, эгретки, длинные перчатки и дамские табакерки.

Теперь, надо думать, в моду войдет смерть, легкая, как лепестки роз в ее ванной, ароматная – пачули, бергамот и крошечная капелька мускуса, духи продолжали жить даже на мертвой коже, – и кровавая. Поговаривали – шепотом, шелестом, трепыханием вееров и выразительными взглядами, ибо ЕЕ смерть требовал уважения – будто в ванной нашли огромное старинное зеркало! Какая прелесть, подарить последний взгляд зеркалу...

А уж бокал шампанского, в котором был обнаружен яд, и копеечный, медный кулон в виде сердечка, который Адетт сжимала в руке, вознесли ее смерть на недосыгаемую высоту.

Брильянты, сапфиры, рубины – это так... обыкновенно, куда им до медного сердечка с выцарапанной в центре буквой

«А».

Серж, цепenea от ужаса, клялся, что никогда раньше не видел этого кулона. Врал, но никто не усомнился в правдивости его слов. Правильно, кто дерзнет заподозрить Сержа Адетти. Он знал откуда появилось это сердечко, но... но не знал, зачем оно ей понадобилось.

Загадка, еще одна загадка, на сей раз последняя.

Стефания ждет, темные усики, красные руки, дряблая кожа и бездна самомнения. Она свято верит в Божью кару и радуется. Стефания с ее радостью, усиками, руками и самомнением совершенно не вписывалась в акварельную печаль осени...

Адетт Адетти умерла. После короткого расследования полиция вынесла вердикт: самоубийство, но ей никто не поверил и, прежде всего, Серж.

Адетт Адетти была убита.

Как печально.

Как пошло.

Как прелестно.

Творец

Ник-Ник очнулся от боли в плече. Состояние было столь необычным – последний раз он страдал от боли лет этак десять назад, когда, пытаясь раскусить орех, сломал зуб – что Ник-Ник даже не расстроился. Он умел ценить необычные

ощущения. Некоторое время Аронов лежал, вслушиваясь в свое тело. Оно представлялось ему большой лужей густого синего цвета, только на плече цвет менялся, сначала на зеленый, потом желтый, который плавно переходил в оранжевый, а оранжевый превращался в ярко-красный. Было в этом сочетании нечто завораживающее. Надо будет следующую коллекцию сделать в сине-красных тонах. Ник-Ник даже почти увидел ее: простые линии – основную нагрузку понесет цвет – легкие, летящие силуэты, ткани воздушные, вроде органзы, и текучие. Органза и шелк... Нет, кажется, это уже было. А если органза и кожа? Темно-синяя, гладкая кожа, укутанная в яркое облако из дымки. Пожалуй, дымка подойдет даже лучше. И кружево, непременно тонкое кружево... Да, пожалуй, это будет то, что надо. Ничего похожего на предыдущую коллекцию, прочь меха и золото, да здравствует сладкое очарование ночи. Мысль о новой коллекции настолько увлекла Ник-Ника, что он, забыв про рану, сел в постели. Красное пятно взорвалось.

– Твою мать! – Ник-Ник рухнул обратно в кровать. – Твою мать!

Проклятое плечо пульсировало, одаривая болью все тело, кусочки красного метастазами расползались по крови. Синяя кровь и красные пятна. Ник-Ник некоторое время лежал, вслушиваясь в ощущения, кажется, боль утихала, уступая место разным мыслям. К примеру Аронову очень хотелось понять понять, где он находится.

Больница? Однозначно нет. Больницы не бывают такими... такими... это место сложно описать, оно похоже на странный гибрид компьютерного клуба и сказочного подземелья. Стена кирпичная, причем, кирпич настоящий, шершавый и слегка влажный на ощупь – превозмогая боль Ник-Ник погладил стену, чтобы убедиться. Кладка старая, крошится под пальцами мелкой рыжей пылью, и пахнет известью, запах знакомый с детства, известью белили коровники и заборы, а еще яблони, чтобы уберечь от паразитов. В этом подвале – а Ник-Ника не покидало ощущение, что он находится именно в подвале – не было места паразитам, зато имелась лампочка под потолком, старый стол – вместо одной из ножек кирпич, и довольно неплохой компьютер на столе. На противоположной стене портрет Сталина. Вождь народов зорко смотрит в светлое будущее и параллельно следит за Ароновым. Взгляд у Иосифа Виссарионовича тяжелый, у Ник-Ника аж между лопатками зачесалось. И кто этот портрет на стену повесил? Лучше бы стол нормальный купили.

Или кровать. Та, на которой лежал Ник-Ник, была жесткой и неудобной. Аронов многое бы дал, чтобы выбраться отсюда.

Но как он вообще здесь оказался?

Закрыв глаза, Ник-Ник принялся старательно восстанавливать события прошлого – прошлого? или уже позапрошлого? – вечера. Статья, испортившая ему настроение, капризы Айши, скандал с Роми, дурацкая премия, которая по

непонятной причине досталась не Ник-Нику. Снова истерика – Айша в последнее время слишком много на себя берет – прогулка и выстрел.

Точно, Ник-Ник вспомнил этот звук и собственный страх, и боль, и бег в никуда. Он бежал, надеясь уйти от преследователя, и страх гнал вперед. Гнал, гнал и загнал в тупик. В памяти возник черный закуток между домами и глухая стена, перегородившая дорогу. И страх заставил прыгнуть вниз, страх приказал оттащить тяжелую крышку люка и шагнуть в пустоту. А дальше? А дальше Ник-Ник не помнил, и это раздражало, он привык контролировать свою жизнь, и оказавшись в ситуации, когда контроль невозможен, чувствовал себя беспомощным.

Лучше уж думать о коллекции. Кожа, дымка, кружево... пожалуй, чуть-чуть меха, и бисер... Аксессуары украшены бисером и кружевом, а сами наряды строги до безобразия, в этой строгости будет своя сексуальность, недоступная и желанная, как первая учительница. Когда-то Ник-Ник был влюблен в учительницу математики, в ее слегка тяжеловесный черный костюм с английской юбкой, в туфли на низком каблуке, в очки и пучок на затылке. Как-то он даже осмелился написать ей записку, назвав ее богиней Алгебры.

Она не поняла.

В этом мире считанное число людей были способны понять Ник-Ника и никто, никто из шести миллиардов человек, давящих своим весом на планету, не был способен стать

на его место, хотя желающие находились. Да... взять хотя бы Роми. Кто он такой? Мальчишка, посягнувший на устои империи, одинокий воин, нагло уверенный, что сумеет одолеть бурю. Жаворонок против соловья.

Ник-Ник у нравилось ощущать собственную гениальность.

Особенный. С самого детства к нему привязалось это слово, и еще несколько: удивительный, поразительный, гениальный... Гениальный. Вкусное слово: апельсиновый сок, манго со льдом и семга с лимоном. Ник-Ник обожал семгу с лимоном, а манго терпеть не мог.

Боль почти совсем утихла. Интересно, кто в этом подвале обитает: мужчина или женщина? Обстановка ни о чем не говорит, этакий отвратительный унисекс – Ник-Ник на дух не переносил любые проявления безликости, а что может быть более безликим, чем гермафродитизм. Одежда прояснила бы многое, но одежды в комнате не наблюдалось, как и косметики, журналов, газет и вообще каких бы то ни было личных вещей. Наверное, так могла бы выглядеть пещера тролля.

И тихо здесь. Тишина раздражает, Ник-Ник привык к звукам: телевизор, радио, магнитофон, шум машин, голоса, кто-то о чем-то просит, кто-то требует, кто-то предлагает, уговаривает, угрожает... А здесь? Тишина. Вода капает, этот единственный звук раскаленной иглой вонзается в череп.

Кап.

Умереть, только бы не слышать.

Кап.

Синяя шляпка из будущей коллекции. Твид и лебединый пух...

Кап-кап.

Перчатки и кожаные гетры.

Кап-кап-кап...

Заткнет кто-нибудь эту капель? Ник-Ник почти уже решился встать, когда к звуку падающей воды добавился звук шагов. Теперь песня воды звучала примерно следующим образом: кап-шлеп-кап-шлеп-кап...

Ну вот, сказочный тролль возвращается в пещеру. Наконец-то. Ник-Ник уже приготовил благодарственную речь, в меру красивую, в меру прочувствованную, достойную Великого и Неповторимого Николаса Аронова, но стоило увидеть лицо спасителя... спасительницы... и слова застряли в горле.

Такого не бывает.

Химера

Из-за Николая Петровича Аронова, которому требовалась хоть какая-нибудь медицинская помощь, пришлось подняться наверх. Ко второму выходу за ночь я была не готова, причем не готова в большей степени морально, нежели физически. Физически просто: три поворота, два подъема, старые поручни и тяжеленная крышка люка – иногда

чувствую себя крысой. Морально... Выходить, сталкиваться с людьми, разговаривать... Но все прошло на удивление гладко, прохожие обходили меня стороной, а пухлая аптекарша старательно отводила глаза, но, слава богу, с вопросами не приставала. Назад я возвращалась почти бегом, дома спокойно, дома тихо.

Дома меня ждал Николай Петрович Аронов. Интересно, как он отреагирует, когда увидит? Наверное, решит, будто попал в логово ведьмы, начнет требовать свободу, врачей и адвокатов – подобные типы всегда прячутся за адвокатские спины в полной уверенности, что знатоки законов способны защитить ото всех напастей сразу.

Николай Петрович меня удивил, хотя бы тем, что не стал отворачиваться. И требовать врачей вкуче с адвокатами. Николай Петрович любезно улыбнулся, Николай Петрович попытался сесть, Николай Петрович выругался матом. Это настолько не вязалось с его правильной внешностью, что я рассмеялась.

Господи, как же давно я не смеялась.

– Добрый день, миледи. – Голос у него оказался хриплым и приятным.

– Ночь.

– Что?

– Ночь на дворе, поэтому правильно будет «добрая ночь».

Или «доброй ночи»?

– Простите. – Николай Петрович нимало не смутился, да

и прощения по-настоящему не просил, просто фраза такая, общепринятая.

– Прощаю. – Разговаривать с человеком, который не отворачивается, не отводит глаза и не поджигает брезгливо губы, было приятно. И странно. Неужели не видит? Видит, но тогда почему?

– Вас следует поблагодарить за мое чудесное спасение? Ну, конечно, вас, здесь ведь больше никого нет.

– Только крысы. – Огрызаюсь по привычке.

– Хорошая шутка. А позволено ли будет узнать ваше имя?

– Оксана. – Говорить, что про крыс я не шутила, этих тварей действительно хватает, не буду. Сам увидит. Или не увидит? Он уйдет отсюда, а я останусь, вместе с компом, портретом Сталина, висевшим здесь со дня появления подвала, и крысами.

– Оксана. – Николай Петрович поморщился. – Оксана... Ксения... Ксюша... Это имя тебе не подходит, совершенно не подходит...

– Тебя не спросили, когда называли. И вообще, катись отсюда.

– Куда?

– Туда, откуда пришел.

– Туда нельзя, – возразил он, – там убийца.

Творец

Она была не просто некрасивой, она была... ужасной, потрясающе, восхитительно ужасной, от одного взгляда на это лицо захватывало дух. Хотелось кричать и плакать одновременно, хотелось ударить или швырнуть что-нибудь в эту тварь, ибо в ее лице не осталось ничего человеческого. Кожа, все дело в коже, напоминающей потеки лавы. Отвратительный цвет загнивающего мяса – темно красный, с едва заметным фиолетовым оттенком – может, дело в освещении? И эти чешуйки, эти пятнышки – соль Мертвого моря на останках Мертвого вулкана. Виски почти нормальные, зато левая щека стекает чуть ли не до уровня подбородка, а рот смотрится отвратительной щелью. И, словно в насмешку: чудесные светло-карие, в желтизну, глаза и высокий лоб.

Складывалось ощущение, что на девушку напал неведомый зверь, который содрал с лица кожу, а потом, томимый чувством вины, прилепил наново, и кожа выжила, приросла к мышцам уродливыми складочками, насосалась кровью, разрослась, растеклась, заполняя тупой биомассой окружающее пространство.

Интересно, что с ней случилось на самом деле? Это врожденное или нет? Неудачная операция? Аллергия? Автокатастрофа? Кадушка с кипящим бельем, случайно опрокинутая на нее? Спросить бы, но Ник-Ник не без оснований предпо-

ложил, что говорить о своей травме Оксана не захочет.

Оксана. Ужасное имя, гораздо более ужасное, чем она того заслуживает. Чересчур простое, обычное, веет от него цветущим яблоневым садом, коровой, розовыми поросятами в загоне, бестолковыми курами и собакой на цепи. А еще ежевечерними посиделками перед хатой, самогоном, семечками и пьяными песнями.

Неправильное имя, не для этой девушки. Возможно, несчастье произошло именно потому, что имя неправильное. Была бы она, скажем, Ириной... Хотя, нет, тоже слишком просто. Шушанна – этот вариант нравился Ник-Ник у гораздо больше общепринятой Сусанны – или Аида... Азиза... Динара... Таира. К желтым глазам подходило много имен, но отчего-то выбрали именно Оксану.

Ник-Ник вздохнул. Не от боли – девушка догадалась купить обезболивающего – от скуки, не привык он лежать и ничего не делать. Эх, карандаш бы и бумагу, но в подземелье не нашлось ни карандаша, ни бумаги. Скучно, остается лежать и тайком рассматривать спасительницу. Спасибо, не выгнала, согласилась на то, чтобы Ник-Ник погостил несколько дней. Аронову нужно было время, чтобы подумать, но в том направлении, в котором следовало думать, не думалось. Мысли раз за разом возвращались к ужасной девушке Оксане.

Ее уродство потрясало.

Ее уродство восхищало.

А сзади выглядит вполне нормально, даже обычно: длинные волосы неопределенного цвета – не то каштановые, не то русые – собраны в удобный пучок. Шея, насколько можно судить, длинная, красивая шея. Запястья тонкие, породистые, как раз такие, как нужно. Ладонь и пальцы тоже вполне соответствовали представлениям Ник-Ника о красоте женских рук. Жаль, мешковатые джинсы и растянутый свитер не позволяли судить о фигуре, а это важно, очень важно...

Нет, глупости, слишком рано.

Судьба? Ник-Ник верил в судьбу. Сегодня утром он думал о новом проекте, и вот, пожалуйста, подходящий материал упал прямо в руки. Или, если быть точным, то это он, Николас Аронов, упал в руки подходящему материалу.

Собственно говоря, почему бы и нет?

Об этом тоже нужно подумать. Хорошо подумать. Ошибаться нельзя.

Дневник одного безумца.

Ну вот, снова я со своей ностальгией. Знал бы Арамис, чем занимаюсь, высмеял бы. Арамис всегда отличался черствостью, помнишь, как он смеялся над спектаклем? Называл меня придурковатым режиссером и отказывался участвовать. Но классная была настороже, и спектакль состоялся.

Я помню, как делили роли, помнишь, сколько было ругани? Едва не передрались, но в конечном итоге каждый остался

при своем.

Смотрю в прошлое и удивляюсь мудрости судьбы, как тщательно она подобрала для нас эти книжные маски, как тщательно расписала роли... Портос, медлительный, добродушный увалень-Портос, слегка глуповатый, но за друзей готовый драться до крови. Он завалил экзамены в институт, загремел в армию, а отслужив, вернулся и стал бандитом. Ему очень хотелось красивой жизни, а вместо этого наш Портос заработал красивый памятник на могиле.

Я иногда приезжаю к нему в гости, мы ведь были друзьями...

Атос. Мечтатель-граф, болезненный, слабый... и в то же время удивительно прозорливый. Пожалуй, он единственный из нас всех, кто сумел увидеть будущее. Он поступил, учился, работал... и тихо сошел с ума, когда его контору развалили, а его самого вынудили торговать на рынке турецким тряпьем. До сих пор жалею, что тогда у меня не было ни денег, ни возможностей спасти его.

Атоса я не навещаю, слишком больно видеть его пустые глаза. Вы с ним были так похожи и оба убежали от этого мира. Порой я вас за это ненавижу, порой завидую, но большей частью просто тоскую.

Арамис не изменился. По-прежнему хитер, по-прежнему эгоистичен, правда с течением времени его эгоизм становится все более откровенным, больше нет маски дружеской заботы, участия или помощи, нет притворства, зато есть

истинное лицо шевалье Арамиса.

Ты говорила, что в человеке нужно видеть хорошее и тогда он станет лучше, но, милая Августа, я больше не могу. Я пытался, честно пытался увидеть в Арамисе хоть каплю прежнего мальчишки, своевольного, слегка циничного и бесконечно обаятельного.

Обаяние у него осталось, он выстраивает его, как выстраивают крепостную стену, он прячется за этим обаянием и дурит головы. А я устал, бесконечно устал сражаться с ним. Устал видеть его лицо, беседовать с ним, улыбаться, как ни в чем не бывало, шутить...

Мы теперь работаем вместе, одна фирма, одно дитя на двоих. Я хотел назвать ее «Августа», в твою честь, или «Констанция», но Арамис предложил назвать фирму на французский манер, чтобы раскрутить, прикрываясь слабой французской моды. Он очень практичен, наш Арамис. Так родилась «л'Этуаль».

«л'Этуаль» означает звезда.

Моей звездой всегда была ты, Августа, жаль, что я не успел сказать тебе это. Я слишком боялся спугнуть твоё доверие, слишком боялся быть отвергнутым и опоздал. Мой дневник – жалкая попытка загладить вину за упущенное время.

Скоро мы будем вместе, обещаю.

Якут

Группа приехала довольно быстро, и народу в квартире стало еще больше. Плохо, не всегда больше значит лучше, чаще наоборот, чем больше людей работает в одном месте, тем чаще возникает желание расслабиться, понадеявшись, что твою долю работы выполнит кто-то другой. Капитан Эгинеев подобного подхода к делу не понимал, и каждый раз, сталкиваясь с очередной «случайной недоработкой», искренне удивлялся.

Сейчас же, дабы не мешать другим, и самому не попасть в число праздношатающихся, Эгинеев занялся важным делом: допросом возможных свидетелей. Для беседы Кэнчээри выбрал одну из комнат, маленькую, неуютную, больше похожую на кладовую. Половину пространства в ней занимал стол со швейной машинкой – любопытно, кто здесь рукоделием балуется? – вторую – узкая тахта, манекен с небрежно нахлобученной дамской шляпой и круглый табурет на колесиках. Более чем странная обстановка, интересно, кто здесь обитает?

Первой «на разговор» Эгинеев пригласил воинственную Революцию Олеговну. Здравый смысл настоятельно рекомендовал оставить старушку «на потом», но инстинкт... чуяло сердце, что Победоносцева знает больше, чем все остальные вместе взятые. Но согласится ли рассказать?

– Итак, молодой человек, – Революция Олеговна смотрела на него, словно молодой, ретивый чекист на врага народа. В позе ее – прямая спина, подбородок параллелен полу, руки лежат на коленях, плечи расправлены – читалось презрение ко всем, кто дерзнул нарушить покой дамы. Наверное, так Мария-Антуанетта встречала на Парижскую чернь, осмелившуюся разорить Версаль. – Каково ваше заключение?

– Пока рано делать заключения.

– Смотрите, как бы потом поздно не стало. И еще, велите вашим людям быть поаккуратнее, мне в этой квартире еще жить.

– Они стараются...

– Как же, стараются. Мне потом результаты этих стараний убирать придется, а в моем возрасте вредны чрезмерные физические нагрузки. Остальных тоже допрашивать станете?

– Всенепременно.

– Только не корите себя потом за бездарно потраченное время. Леля глупа. Впрочем, разумная молодая девушка – нонсенс, однако, Леля – дура совершенная, как и Серафима, они друг друга стоят. Леля утопит в слезах, а Фима расскажет все, что видела и не видела. Она обладает весьма богатым воображением, к которому можно прибавить старческую болтливость и хронический недостаток внимания со стороны окружающих. Поверьте, она с удовольствием воспользуется случаем. Что касается Сергея, то формально он – консьерж, но фактически выполняет роль электрика, водо-

проводчика, просто мастера на все руки. Вы, наверное, заметили, что место консьержа не оборудовано должным образом?

– Да. – Эгинеев и вправду заметил, что в подъезде нет ни стола, ни стула, не говоря уже о стеклянной будке, в которые ныне стало модно помещать охранников, консьержев и иже с ними.

– Это оттого, что Сергей имеет при доме комнатенку в подвале, где и обитает. Когда жильцы испытывают необходимость в его услугах – просто звонят по внутренней связи. Это я к тому, что Сергей вряд ли что-то знает, хотя... порой прислуга бывает весьма наблюдательна. Вы курите?

– С чего вы решили?

– С таким задумчивым видом вертите карандаш, будто раздумываете, с какого конца его удобнее прикурить.

– Не возражаете? – Эгинеев испытывал восхищение пополам со смущением: от пронзительного взгляда мадам Петроградской ничто не укроется. Ценный свидетель, хоть и свое нравный, такая, чуть что не по ней, враз закроется, отговорившись возрастом, слабым здоровьем и прогрессирующим склерозом, тогда адыю показания. Нет, с Революцией Олеговой обращаться надо бережнее, чем с гранатой без чеки. А курить и вправду охота, к тому же на столе пепельница, не для развлечения же ее поставили.

– Курите ради Бога.

– А вы?

– Милый юноша, трубка тем и хороша, что, в отличие от ваших сигарет, ее нельзя курить каждые пять минут, а в моем возрасте – это несомненный плюс. Трубка требует бережного, уважительного обращения. Но вы спрашивайте, спрашивайте, не стесняйтесь.

Не стеснятся в присутствии Петроградской было сложно. То же самое, что не стеснятся на закрытом балу в честь Ее Величества королевы Великобритании, на который проник по поддельному пригласительному билету. Того и гляди, за шиворот схватят да спустят с лестницы.

– Кто обнаружил тело?

– Леля. До чего бесцеремонная особа, заглянуть в ванную комнату, когда молодой человек – заметьте, не муж, не жених, не близкий родственник – купается? Это верх неприличия. Не сочтите меня ханжой и престарелой моралисткой, но я привыкла говорить, что думаю.

– Значит, если я правильно понял, Леля пришла в гости к вашему внуку, а тот принимал ванну, она заглянула и обнаружила тело. Так?

– Не так. – С явным удовлетворением в голосе произнесла мадам Петроградская. – Леля не пришла, Леля здесь живет. Рома принимал ванну, а она заглянула и, соответственно, обнаружила. Мы позвали Сергея, а тот уже позвонил в милицию. Я проследила, чтобы в ванной комнате никто ничего не трогал.

– Спасибо.

Здравомыслие этой особы поражало, Революция Олеговна была спокойна, рассудительна и даже иронична. Неужели ей ни капли не жаль внука? Или дело в затаенных конфликтах, в подводных течениях и невидимых глазу постороннего бурях, что время от времени бушевали на просторах этой квартиры? Старая бабка и красивая девушка, почти невеста, не задумали ли молодые избавиться от надоедливой старухи-надсмотрщицы, характер-то у нее еще тот. Может, планировали выселить из квартиры в дом престарелых? А Революция Олеговна узнала и... А что, пожалуй, отравление ей подходит: жестоко, но по-старомодному изящно. Определенно, имеет смысл покопаться в том мусорном ведре, которое психологи гордо именуют межличностными отношениями.

– То есть, Леля живет с вами?

– Вас это удивляет? Кажется, сейчас это модно, просто жить друг с другом, никак не регистрируя отношения. Гражданский брак – друг молодежи.

– Расскажите про Лелю. – Эгинеев намеренно проигнорировал раздражение, прозвучавшее в ответе Революции Олеговны.

– Про Лелю? – Собеседница усмехнулась. – Думаете, не понимаю, в какую сторону ваши мысли идут? Двое молодых решили избавиться от старухи, которая мешала жить в счастье и согласии, но просчитались, она успела раньше. Пожалуй, в другой ситуации, милый юноша, ваши логические построения имели бы смысл, у меня вполне достало бы духу

на убийство – кстати, еще не доказано, убийство ли это – однако вы видите лишь малую часть общей картины. Ладно, охота вам слушать про эту маленькую дурочку, пожалуйста. Расскажу.

– Буду весьма вам благодарен. – Эгинеев чувствовал, как пылают щеки, и опустил глаза: уж лучше рассматривать остроносые, украшенные стразами и шелковыми цветами тапочки Революции Олеговны, чем встречаться с не взглядом. Какой позор!

– Сразу поясню: имя, фамилию, отчество, дату и место рождения спросите у самой Лели, я к ней в паспорт не заглядывала. Понятия не имею, с какой помойки Роман приволок эту Лелю, но с первого взгляда было видно: девчонка – дура. Совершеннейшая, непроходимая дура. Я еще готова смириться с отсутствием хороших манер, неграмотностью и необразованностью. Представляете, она пребывает в полной уверенности, будто Распутин – это такой сорт водки, а крепостной – тот, кто живет в крепости. – Революция Олеговна гневно фыркнула. – Я, конечно, понимаю, образование – еще не повод, чтобы отворачиваться от человека. Тешила себя надеждой, что у девочки просто не было возможности учиться, и пыталась ей помочь, но милое создание упорно отвергало любую помощь. Учеба – не для нашей Лели, ее интересовали модные тряпки, тусовки, подружки и любовники подружек, при этом лексического запаса не хватало даже на то, чтобы описать новое платье или там, к примеру, сумоч-

ку. Вместо слов – мат и сдавленные охи-ахи. У Лели душа состоит из тряпок и сплетен. Я вас еще не утомила?

– Нет, нет, что вы, – бодро соврал Эгинеев.

– Итак, Рома привел Лелю не так давно, пару месяцев... Сейчас сентябрь, верно?

– Верно.

– Значит июль... нет, июнь или конец мая. Помню, жарко было, а она в неприлично коротком сарафане заявила, прозрачный такой, все прелести на виду. Больше всего меня поразила, что сарафан белый, а белье черное, оказалось – мода такая.

– Как Роман объяснил ее появление?

– Никак. Сказал, что Леля отныне будет жить с нами.

– А вы? Согласились?

– Разве мое согласие что-то значило? Помилуйте, кто и когда слушал нотации престарелых родственниц, все молодые свято убеждены, что те, кому старше тридцати, пребывают в глубоком маразме и не способны мыслить здраво. Да, я могла выставить Лелю за дверь, официально квартира принадлежит мне, куплена на мое имя и на мои деньги... пришлось продать старую, приличный дом, пять комнат, два балкона, высокие потолки... Поверьте, для меня этот вопрос весьма болезнен.

– Зачем тогда продавали? – Кэнчээри насторожился. Вроде бы пустяк, квартира, проданная невесть когда. Но, с другой стороны, где квартира – там деньги, и немалые, а, где

деньги, там и мотивы.

– Требовалось оплатить образование Романа. На мой взгляд, подобных денег оно не стоило, но разве ж меня спрашивали? Сначала Маша, моя единственная дочь, бросает дом, учебу, друзей ради какого-то проходимца, убегает тайно, врет, будто к подруге на дачу отправляется, а сама на самолет и к своему... Двадцать лет ни звонка, ни письма нормального, только открытки к Новому году, спасибо и на этом. – В железном голосе Революции Олеговны прозвенели обиженные нотки. – Потом звонок в дверь и здравствуйте, появляется на пороге Ромочка, внук мой с письмом от Маши. Дескать, дорогая бабушка, примите, приютите... Вам я кажусь циничной?

– Нет, что вы.

– Не врите. Терпеть не могу врунов. – Революция Олеговна презрительно поджала губы. – Запомните, молодой человек, никогда не спешите сказать неправду, зачастую ложь оборачивается против человека, ее произнесшего. Впрочем, и правда не всегда на пользу.

– Так что же делать?

– Думать, молодой человек, думать. Это единственный универсальный рецепт. К сожалению, ни моя дочь, ни мой внук не применяли данный рецепт на практике, за что и поплатились. Маша отказывала мне в общении на протяжении двадцати лет, но когда Роме понадобилось получить достойное образование, отправила мальчика в Москву. Да, призна-

уюсь, мне было обидно и неприятно, но Рому я приняла, все-таки родной внук... И Машу я всегда любила, родила поздно, в сорок три... Сейчас это нормально, а в мое время женщина, осмелившаяся в сорок три года родить ребенка выглядела... необычно. Воспитывая Машу, я старалась сделать из нее цельного человека, достойного гражданина великой страны, школа с золотой медалью, институт с красным дипломом, аспирантура, почти готовая диссертация и этот никчемный роман, сломавший ей жизнь. У вас есть дети?

– Нет.

– Повезло. Экзамены Рома провалил. Да и странно было бы ожидать другого, без подготовки поступить в столичный ВУЗ удается единицам. Пришлось платить. Маша соизволила приехать сюда, привезла деньги, устроила Романа в какой-то заштатный университет, но с военной кафедрой, отделение платное, но она наивно надеялась, что на следующий год Роман перепоступит на бюджет. Как бы не так. Ни на второй, ни на третий год пробиться на бюджет не удалось, дальнейшие попытки не имели смысла. Если бы я знала, чем эта учеба обернется... Машу убили.

– Как? – Капитан Эгинеев насторожился. Убийство? Еще одно убийство добавит работы, но возможно, прольет свет на сегодняшнее дело.

– В общем-то это было преподнесено, как несчастный случай, автомобильная авария с летальным исходом. Вероятно, они лишь хотели припугнуть Машу, но не справились с

управлением.

– Кто?

– Кредиторы. – Революция Олеговна выплюнула гадкое слово, всем своим видом демонстрируя, что в ее время ничего подобного не было, и в роли единственного кредитора выступало государство, что, несомненно, гораздо справедливее и безопаснее. Кое в чем Эгинеев готов был согласиться.

– Маша заняла деньги. Сначала там, в своем Урчине, это ведь надо было покинуть Москву ради города с таким нелепым названием! Заложила квартиру, потом заложила еще раз, но уже в Москве. Крайне неосмотрительный поступок, Маша не думала, как отдать деньги, а я узнала о долгах только тогда, когда на квартиру заявились господа, почитающие себя хозяевами жизни. Знаете ли, такие бритые головы, квадратные подбородки, и абсолютно тупые глаза. И еще жевательную резинку постоянно жуют, натуральные верблюды, одним словом.

– Быки, – подсказал Эгинеев.

– Что ж, тоже вполне подходит. И вот они заявляют, будто бы Маша должна крупную сумму денег, и требуют отписать им квартиру. Мою квартиру, ключи от которой сам Сталин моему супруг вручал! – При воспоминании о наглом поведении незваных гостей на блеклых щеках Петроградской вспыхнули гневные пятна.

– Естественно, я отказалась.

– Не испугались?

– Молодой человек, в своей жизни мне доводилось сталкиваться со многими проблемами, и, поверьте, меня не испугать угрозами вчерашних школьников.

– Но квартиру пришлось продать?

– Это было единственно верное решение, я всегда отличалась здравомыслием. Господа положили глаз на мою квартиру, считая, что я в том возрасте, когда уже ничего не надо. Сумма, названная молодыми людьми, велика, но квартира стоила гораздо, гораздо дороже. Пришлось расстаться. Разницы хватило, чтобы купить это жилье, и оплатить Ромочке последние два курса.

– Как вы считаете, у вашего внука были причины расстаться с жизнью? – Эгинеев мысленно вздохнул с облегчением – похоже, период старческих воспоминаний закрыт и можно перейти к делу.

– Полагаете, это самоубийство? Вздор. Рома в отца пошел, слабый, никчемный, не способный на поступок, а самоубийство – это поступок, причем поступок с большой буквы. Рома у своего начальства не мог прибавку к жалованью потребовать, а вы говорите самоубийство. Чушь. Леля вам то же самое скажет.

– Роман работал?

– Конечно, я не потерпела бы в своем доме бездельника.

– Где?

– Какой-то дом мод, знаю, владел им господин Аронов, фамилия известная, даже мне доводилось слышать, правда,

большей частью от Романа.

– И что Роман говорил?

– Жаловался. Он постоянно жаловался. Говорил, будто его недооценивают, затирают, идеями пользуются, но нигде не упоминают имя Романа. Я не очень вникала. Говоря по правде, выбор профессии меня весьма и весьма разочаровал. Мой внук – портной! Нет, сейчас портные называются модельерами, но они от этого не перестают быть портными. Для мужчины подобная профессия позорна по определению. Мужчина-модистка – нонсенс! Но, коли уж начал работать, то работай, нытье никому еще не помогало. И это совершенно нормально, когда мастер пользуется наработками своих учеников, ведь без его покровительства они не создали бы ровным счетом ничего. Взять хотя бы Фаберже... Знаете такого?

– Ювелир?

– Художник по золоту, – фыркнула Революция Олеговна, – ювелир ваяет золотые цепи и перстни, а художник, художник – творит. Это огромная разница. Фаберже именно творил, но в то же время под его именем работали талантливые ювелиры, которые выпускали на продажу огромное количество качественных украшений. Качественных, но не гениальных, свое имя Фаберже позволял ставить лишь под самыми лучшими работами, остальным доставалось клеймо. И ученики гордились, когда великий мастер снисходил до их работ. А Ромочке, видите ли, не по нраву пришлось, са-

мостоятельности захотел. А какая, к чертям, самостоятельность, когда у него денег нет? Вещь – она тогда вещь, когда ее руками потрогать можно, а картинка на бумаге – это пшик, ее не продашь. В моем понимании, конечно. Ромочка умудрялся продавать, причем не только свои, но и чужие. Я случайно узнала, что он... как это теперь принято выражаться? Подставляет? Вот, правильно, подставляет своего наставника и работодателя. Мы даже поругались по этому поводу. Для меня честь и верность – не пустые звуки, а Ромочка вырос настоящим приспособленцем. Видите, чем закончилось?

– Думаете, его убили? – Кэнчээри на всякий случай сделал пометку в блокноте: «работа на конкурента». Дорогая и несколько претенциозная ручка – подарок сестры и предмет постоянных насмешек коллег – легко скользила по бумаге. Золотое перо, как-никак, фирма веников не вяжет. Несмотря на насмешки, ручку Якут любил, даже писать старался аккуратнее, чтобы соответствовать.

– Убили? Право слово, не знаю... Мой внук не был воплощением добродетелей, но убивать из-за каких-то там рисунков это уже чересчур. Но про те его дела вы лучше Лелю спросите, она больше знает, а я – старуха. Вредная, вздорная, глупая старуха, которая ничего не смыслит в современной жизни.

Революция Олеговна усмехнулась, став удивительно похожей на старуху Шапокляк из мультика про Чебурашку. Старая? Может быть и старая, но вот глупой ее Эгинеев не на-

звал бы. Петроградская умна и решительна, а значит...

Ничего не значит.

Впереди еще разговор с Лелей.

За два часа до...

Обсуждать план мести было... вкусно. Клубника со льдом, омары и тонкий листик салата, вот на что это похоже. Пожалуй, можно добавить жареные каштаны и теплый, тягучий коньяк.

Он и не предполагал, что это может быть настолько вкусно. Легкие оттенки страха придавали блюду нужную остроту, а предвкушение свободы – почти недозволенную сладость.

Свобода. Адетт пожалеет, что так с ним обошлась.

– Просто нужно сделать так, чтобы смерть ее походила на самоубийство... Это будет не сложно, я обещаю...

– Что взамен?

– Твое молчание. Наследство делим пополам и... ты забываешь, что когда-то называлась моей супругой. Придерживайся версии Адетт, она очень хорошо умеет сочинять правдоподобные истории.

Стефания наливается краской. Стефании не по вкусу отведенная ей роль. Ничего, она смирится с ролью дальней родственницы блистательной Адетти, так же, как он когда-то смирился с ролью брата.

Каждому воздастся по заслугам.

У Адетт еще остался пузырек со... средством. Серж вчера держал его в руках: некрасивый флакон с толстыми мутными стенками и темная вязкая жидкость внутри. Украсть яд не составит труда: Адетт хранила смертельную игрушку на туалетном столике, среди флаконов, флакончиков, баночек, кистей, пуховки и засушенных розовых лепестков.

Хорошо, что Адетт велела перетащить в ванную комнату Зеркало, иначе Серж не решился бы. Сложно совершить что-либо, когда тебя буравят недружелюбные взгляды этих тварей.

Она собирается принимать ванну. Это надолго, одни приготовления займут больше часа. Крема, маски, шампуни, шампанское, кофе...

Бутылку «Veuve Clicquot Ponsardin Brut» доставил посылный. Очередной анонимный обожатель?

Весьма удачно... Весьма...

Итак, шампанское или кофе?

Химера

Николай Петрович, вернее, Ник-Ник, он просил называть его именно так, Ник-Ник. Это в одном ряду с Наф-Нафом, Нуф-Нуфом и Ниф-Нифом, только круче, несоизмеримо круче, одни ботинки Ник-Ника при ближайшем рассмотрении стоили столько же, как три поросенка чохом. А за ча-

сы, которые Ник-Ник небрежно швырнул на пол – тумбочкой или столиком я пока не обзавелась – можно было купить дом, с кирпичными стенами, резными ставнями, крышей из голландской черепицы и голландскими же тюльпанами в палисаднике.

Так вот, Ник-Ник держался с поразительным спокойствием. На рану пожаловался, на грязные улицы, политиков и отсутствие нормальных работников на неизвестной мне, но известной Ник-Нику, фирме. На работниках темы для разговора иссякли. Мне не интересно слушать про повышение цен на алмазы, плохую погоду в Морокко – оказывается, там тоже бывает плохая погода! – и ужасный вкус устриц в открывшемся недавно ресторане. А его, полагаю, не заинтересуют пропадающие сосиски, которые негде хранить, потому что холодильник навернулся, и грядущая по слухам перепланировка района.

Ник-Ник вроде задремал, а я убивала время, выстраивая на мониторе сложную конструкцию непонятного предназначения. Теоретически по образованию я – программист, только в конторе, с которой имею честь сотрудничать, меня используют не то как художника-иллюстратора, не то как чертежника. Сама не пойму. Непонятную штуку требовалось сдать через неделю, управлюсь и раньше, заняться все равно нечем.

Отсутствие личной жизни здорово экономит время.
– Ксана, а что у тебя с лицом?

Вопрос отбойным молотком ударил по затылку. Сволоочь он – это я про Ник-Ника – выждал, выдержал паузу, а я ослабилась. Дура.

– Ксана не сердись. – Мягкий – стерильная вата плюс тополиный пух – голос успокаивающе гладил по голове. – Ксана, я не просто из любопытства спрашиваю...

– А из-за чего еще? Из жалости? Можешь оставить ее себе!

– Сильным жалость не нужна. Ты сильная девушка, Ксана.

– Прекрати называть меня так, я – Оксана, слышишь? Оксана!

– Слышу прекрасно. – Ник-Ник вежливо улыбался, а глаза... похожие глаза я видела у милого старичка-ювелира, который с профессиональной вежливостью и не менее профессиональной улыбкой оценивал мамино кольцо с сапфиром. Ему даже лупа не понадобилось, хватило взгляда, одного взгляда и – пожалуйста – заключение готово, и цена. Сейчас и Ник-Ник оценит, интересно, во сколько. Вряд ли много, за такую, как я, приплачивать надо.

– Ты не забыла, что я – твой должник?

– Да ну?

– Представь себе. – Ник-Ник поерзал на кровати, принимая удобное положение, с рукой он нянчился, как с младенцем.

– Ксана, – мое требование относительно имени Ник-Ник проигнорировал, – Ксана, я очень не люблю оставаться в

должниках. Ты помогла мне, я же хочу помогать тебе.

– Чем? Ты врач?

– Нет, но у меня хватит денег на врача. На врачей. Ты просто расскажи, что с тобой случилось, а я, я подумаю... – Выражение его глаз – листья мяты и мокрый бархат – мне не понравилось. Было в них что-то такое... труднообъяснимое, на грани восприятия. Будь я нормальной женщиной, истолковала бы вполне определенно. Но... разве ко мне можно испытывать желание?

Не понимаю.

– Ксана. Расскажи. Как все произошло?

Просто. Я хотела стать красивой.

Нет, я не была уродиной – теперь могу сказать с полной уверенностью. Я была обычной среднестатистической девушкой, со стандартной фигурой, стандартным лицом и стандартным желанием стать еще лучше. Талия 60 сантиметров? А у Аньки из нашей группы – 58. Бедра 92 вместо положенных 90. Грудь... Грудь вообще 83, это даже не грудь – недоразумение какое-то. И нос некрасивый – картошкой. С носа-то все и началось. С носа и со Славика.

Славик – мой жених, точнее, он скромно именовал себя бойфрендом, а я мечтала перетянуть его в категорию женихов. Согласитесь, жених звучит куда, как солиднее. Я была напориста, но Славик отшучивался, дескать, разве можно жениться на девушке, у которой нос картошкой? И тогда я решила исправить недоразумение. Сейчас ведь просто: по-

звонил, записался, проконсультировался с врачом и спустя недельку-другую удивляешь окружающих приятными переменами в собственной внешности. Это мне казалось, что все просто. Славик к идее отнесся с поразительным энтузиазмом.

Клинику выбрали вместе, денег на операцию дал он. Было больно, зато результат... О, казалось, я стала в несколько раз краше. Новый нос был... был... замечательным. Сразу захотелось изменить и все остальное: губы, щеки, уши, разрез глаз. Блефаропластика, липосакция, глубокий дренаж... слова звучали волшебной музыкой для избранных. Мне хотелось много всего и сразу. Славик был только за: ему нравилось наблюдать за превращениями. Думаю, в глубине души он надеялся, что скальпель, силикон и умелые руки врачей вылепят из меня некое подобие телевизионной красотки.

Беда в том, что руки у врачей оказались неумелыми. Или препарат, который вкачали под кожу, чтобы разгладить морщины – хотелось бы понять, в каком зеркале я их увидела – некачественным. Правда, другие врачи, уже потом, говорили, что дело не то чтобы в самом препарате, а скорее в том, что ввели его слишком глубоко. В результате... Относительно результата мнения расходились. Одни считали, что парализовало какой-то там нерв, другие говорили о мышцах, потерявших способность сокращаться, третьи оперировали совсем уж непонятными словами вроде некроза, апоптоза и еще чего-то заканчивающегося на «оза».

Самое смешное: морщины, как и обещано, разгладились, и это обстоятельство позволило клинике отбить мой иск со сноровкой опытного теннисиста. Договор был заключен на удаление морщин. Морщины удалены, а что до моего лица, то... фирма ответственности не несет.

Никто не несет ответственности. Славик, едва взглянув на мою физиономию, быстро собрал чемодан. Вместе с бывшим бойфрендом из дома уехала нефритовая статуэтка голубя – подарок Славика на день рождения; ручка с золотым пером – Новый год; крошечная, с ладонь копия Роденовской Весны – День Святого Валентина. Больше всего было жаль именно Весну.

Я плакала, я проклинала врачей, пыталась подать в суд и вернуть Славика. Про суд уже рассказывала, со Славиком вышло примерно то же, он вежливо избегал встреч, а потом весьма невежливо попросил больше не появляться. Видите ли, мое присутствие его компрометирует. Дальше – больше. Новая клиника, безумно дорогая, и этой своей дороговизной защищенная от простых смертных. Чтобы попасть туда, пришлось продать квартиру. Мне казалось: вернется лицо, то, старое, стандартное лицо, которое мне так хотелось изменить, и жизнь наладится.

Не вернулось и не наладилась. В клинике я провела почти месяц, но добилось лишь уменьшения размеров опухоли. Ну, и язвы убрали, зато кожа приобрела потрясающий багровый цвет, а вежливый врач разъяснил, что больше ни-

чего сделать нельзя, повреждения чересчур глубокие и восстановить лицо невозможно. Вот так, весь приговор в одном слове.

Невозможно.

Из клиники я вышла в состоянии близком к помешательству. Дома нет, денег нет, жениха нет, подруги тоже куда-то разбежались – кому охота дружить с уродиной? Первое время снимала комнату у бабули, которую больше интересовала моя прописка, чем физиономия. Жить среди людей было невыносимо. Одни тыкали пальцами, другие отворачивались, третьи, наоборот, разглядывали, словно диковинного зверя. А одна мамаша, чье дитя расплакалось, посоветовала мне надеть паранджу. Только я нашла выход получше.

Люди не желают знать уродину? Что ж, мне тоже на них плевать. Очень вовремя вспомнилось старое увлечение: один из моих бойфрендов был диггером, и меня пытался обратить в свою веру, таскал по подземельям, рассказывая истории о сокровищах, призраках и тайнах прошлого. Тогда мне это было не интересно, а теперь вот пригодилось.

Под землей спокойно, под землей тихо и, главное, темно. А еще здесь нет людей, только крысы и толстые, разожравшиеся на городских отходах, тараканы. Под землей тоже можно жить, в облюбованном мною подвале было относительно сухо, тепло – спасибо городским теплосетям – и даже электричество имелось. Портрет Сталина свидетельствовал, что раньше этот подвал использовался в качестве бункера,

но после войны о нем забыли. Все, кроме диггеров. И меня.

С диггерами у меня перемирие: я присматриваю за их вещами – места хватает, здесь, кроме обжитой мною комнаты, имеются еще две – а они не лезут ко мне. Они ничего ребята, понятливые. Знаю, есть чудачки, вроде меня, которые ушли под землю просто потому, что захотелось.

А у меня... У меня необходимость.

Ник-Ник слушал молча, лицо серьезное, как у директора школы на торжественной линейке, а в глазах туман. Они больше не зеленые, а мутно-мутно серые, как вода в здешних трубах.

– Значит, это из-за операции?

– Да.

– А что тебе кололи?

– Не знаю. – Карту на руки мне не выдали, когда же дело дошло до суда, ну, почти дошло, выяснилось, что медицинская карта волшебным образом испарилась. В регистратуре клялись, будто бы карту забрала я, приводили свидетелей и даже ведомость с моей подписью – выглядело очень похоже. А тут еще договор всплыл, который я подписала, соглашаясь на операцию. Относительно лекарства врач утверждал, что под кожу ввели безобидный и безопасный силикон. А я сама – дура безмозглая – нарушив предписания, отправилась домой и подхватила в нестерильной квартире неизвестную инфекцию.

– И в самом деле дура, – заявил Ник-Ник. – Такие опе-

рации нужно делать только в очень хороших клиниках, а ты полезла черти куда, а теперь винишь всех вокруг. Дуры вы.

– Кто мы?.

– Бабы. Летите за модой, меняете шкуру, как камбала окраску. Сегодня мини, завтра макси, послезавтра блондинки, через два дня брюнетки, потом рыжие с сережкой в пупке, или вообще бритоголовые с тату на затылке. Вот где у вас мозги?

Тут я обиделась. Какое право этот холеный, ухоженный тип с маникюром и кожаным бумажником имеет судить меня? Да и вообще женщин? У меня имелась подруга, обожавшая пирсинг, в одном ухе у нее было четыре серьги, во втором – пять, в губе две, а еще в брови, на языке – или правильно будет сказать «в языке»? – и в пупке. В последнюю нашу встречу она мечтала проколоть сосок и хвасталась новым перспективным любовником. А данное обстоятельство говорит о многом.

Злость пошла на пользу: за час я доделала задание, отослала в контору и даже начала прикидывать варианты на следующее.

Творец

Наблюдать за ней было интересно. Прямая спина с двумя горбиками – лопатки норвят проткнуть тонкую ткань свитера – пучок волос на затылке, острые локти, длинная шея и

полная, абсолютная сосредоточенность на деле.

Ник-Ник понятия не имел, чем она занимается – по монитору скользили разноцветные пятна, которые сменялись таблицами или графиками, или и вовсе исчезали, уступая место цельному изображению. Рассмотреть его не удавалось, да Аронова изображение не интересовало. Его увлекла сосредоточенность Ксаны. Ник-Ник готов был поклясться, что в данный момент времени она не помнит ни о своей внешности, ни об обстоятельствах, загнавших ее в подземелье, ни о разговоре с Ник-Ником. Целеустремленность потрясала. Достойное качество, если этой девочке показать цель, то она ее добьется.

Но лицо, что делать с лицом?

Пластическая операция? Бессмысленно. Аронов, конечно, не врач, но Ксана сама сказала, что операция не поможет...

Хотя какого черта его беспокоят проблемы этой девочки-из-подземелья? Своих мало? Кто все-таки стрелял? Роми? Мальчишка каким-то образом узнал про грядущую беседу и увольнение? А смысл? Убив Аронова – а Ник-Ник не сомневался, что его собирались убить, а не просто попугать – Роми стал бы первым подозреваемым. Служба безопасности и Лехин быстро взяли бы паршивца за задницу. Нет, это не он. Ромка чересчур труслив, к тому же в случае смерти Ник-Ника ничего не выигрывает.

Конкуренция? Более похоже на правду. Но метод... Более

подходит для Чикаго тридцатых или Москвы девяностых. Сейчас стрелять конкурентов не выгодно. Сейчас в моде адвокаты, взятки, стукачи и перехваченные контракты. И в качестве последнего аргумента аккуратный европейского стандарта киллер с дорогой винтовкой и банковским счетом на Карибах, или же тротилловый подарок под железным брюхом верного коня. А чтобы косорукий – слава Господу за явленную милость – стрелок в подворотне... нет, это глупо.

А, может, и в самом деле глупость? Может, не стоит копать среди своих и тех, кто под них маскируется? Может виноваты не враги, нарисованные параноидальным воображением, а местные пацаны, которым захотелось «пощипать» залетного буржуя? Дорогой костюм, дорогая машина – хотя вряд ли они могли видеть машину, ну пусть уж будет, коли в памяти всплыла – и темный двор. Чем не искушение для какого-нибудь гоп-стопника?

Но тогда почему ему позволили сбежать?

А темно было, потеряли в лабиринте дворов. Теория выглядела довольно логичной, Ник-Ник даже успокоился. Нужно будет позвонить Лехину, чтобы не волновался.

Или лучше затаится? Просто на всякий случай? В подвале не так и плохо. Сыро только.

И расслабившись, Ник-Ник заснул.

Дневник одного безумца.

Целую неделю не брал дневник в руки, пытался собрать-

ся с мыслями, пытался вспоминать, а вместо этого в голове одно – успею ли? Успею ли довершить начатое? Времени осталось очень мало, настолько мало, что страх провала мешает думать. У меня только одна попытка, один шанс, и надеюсь Господь и ты поможете мне его использовать.

Я знаю, ты не одобряешь месть, но то, что я делаю, нельзя назвать мстью, это расплата, приговор, кара за грехи. Зло должно быть наказано, а он – самое воплощение зла, злой гений наших судеб. Когда-то он отравил жизнь нам всем. Я долго собирал доказательства, я следил, я сопоставлял, я копался в архивах и опрашивал свидетелей. Я уверен в его виновности, а значит буду действовать, как запланировал.

Химера

Аронов спал, дышал он ровно, и выглядел почти здоровым – легкая бледность не в счет. Можно, вернее, нужно уйти, сегодня среда, первая среда месяца. В этот день я всегда поднимаюсь наверх. Почему? Долгая история.

Сегодня особенно темно – луна-подруга, исхудавшая от долгой разлуки, совсем затерялась между туч. И холодно. Ну да, правильно, осень же началась. На часах половина одиннадцатого. Успею. На обратном пути нужно будет заглянуть в аптеку, бинтов прикупить и антибиотиков каких. Но это потом, а сейчас...

Сейчас темный двор, блеклое пятно единственного уцелевшего фонаря, да желтые окна, за которыми люди прячутся от осени. Дождь начался, мелкий и холодный, капли стучат по асфальту, по дремлющим тушам автомобилей, по скамейке и моим ладоням. Дождь – это хорошо, редкая удача, теперь Славик точно меня не увидит. Интересно, во сколько он домой вернется? В прошлый раз пришлось ждать почти два часа, а сегодня?

Повезло, ожидание оказалось недолгим, минут тридцать – сорок, я и промокнуть как следует не успела. Звук мотора разрушил нежное очарование ночи, машина урчала довольным зверем, а я нырнула поглубже в темноту, не хватало, чтобы Славик заметил наблюдение.

Серебристый «Пассат» остановился напротив подъезда и, выпустив из теплого нутра пассажирку – короткая светлая куртешка, шляпка и высокие сапоги на шпильке – отполз к стоянке. Девушка всполохнутой мышью нырнула в подъезд, дробный цокот каблучков вызвал приступ мигрени. Где только Славка ее откопал?

Кстати, в самом деле, где Славка? Курит. Вижу приоткрытую дверцу и красное пятнышко сигареты, пятнышко плывет вверх... вниз... вверх... вниз. Дуга ровная, красивая. Славик любит красивые жесты, красивые вещи и красивых девиц.

– Эй, ты здесь? – Такой знакомый, такой родной голос. Да, милый, я здесь, и ты это знаешь.

– Иди сюда.

Зачем? Мне и отсюда неплохо видно. Может, если молчать, он успокоится и уйдет домой, к своей Мисс Шпильки? Не успокоится и не уйдет, эта сцена с завидным постоянством повторялась из месяца в месяц, он каждый раз звал, а я выходила.

– Ксюх, давай сегодня без ритуальных танцев? – Он говорил негромко, но я слышала каждое слово, а еще раздражение, усталость и, пожалуй, брезгливость.

Я вышла. Славик неплохо выглядит, костюм новый, и рубашка, и галстук. Желтый с пальмой. Смешно, его Мисс Шпильки и до галстука добралась. Следующим этапом будет совместная поездка в Сочи, после которой Мисс Шпильки решительной рукой наведет порядок в Славиковой квартире, вылижет, вычистит, выскребет все уголки и уголки, убирая малейшее напоминания о соперницах из прошлого. А галстук на толстой Славиковой шее затянется симпатичным поводком семейной жизни. Вижу это столь же ясно, как блеклую луну в зеркале заднего вида. Он молчит, я молчу. Это молчание – часть игры. Окурок падающей звездой летит на землю.

– Как дела? – В его голосе нет интереса, Славик спрашивает, потому что принято спрашивать. Вежливость и Воспитание, два «В», подчинивших жизнь большинства людей, хорошо, я из этого большинства выбыла. Отвечаю правду:

– Погано.

– Да?

– Да.

Он теряется, краснеет – не вижу, но знаю точно, у Славика сосуды расположены близко к коже, при малейшем волнении он краснеет.

– Зачем пришла?

– На тебя посмотреть.

– Ну и как?

– Нормально. Кто эта девица?

– Так... знакомая... – Его смущение выползает в ночь запахом «Kenzo pour homme» и дымом «PallMall», в руке загорается новая звезда-сигарета.

– И давно знакомая?

– Давно! Да, черт побери, давно! Не понимаю, зачем я вообще перед тобой отчитываюсь? Я мужчина, у меня есть свои собственные потребности! Я не виноват, что с тобой случилось то... то, что случилось. И не могу себя заставить... Я не робот...

– Я всего-навсего спросила, кто она.

Его истерики забавляют, время ревности, слез и душевных терзаний прошло. – Например, как ее зовут?

– Алиса.

– Красивое имя. Сколько лет?

– Двадцать три. – Славик покорно отвечает на вопросы.

– Кем работает?

– Секретаршей.

– Да? Не ревнуешь к начальнику? – Признаюсь, мне хотелось поддеть его, причинить боль, заставить страдать так, как страдала я.

– Она моя секретарша...

– Фу, как пошло. Спать с собственной секретаршей. – Смеюсь, хотя на глазах слезы. Темно, не увидит.

– Прекрати. Я... Я ждал тебя, чтобы ты... чтобы ты...

– Ну, договаривай.

– Не приходи больше, хорошо? Давай я буду переводить деньги на счет? Столько, сколько скажешь, в разумных пределах, конечно. Понимаешь, у меня планы... жизнь... а ты тут... и вообще, я милицию вызову!

– Милицию? И что ты скажешь? Что тебя преследует девушка, которую ты изуродовал?

– Замолчи! – Взвизгнул он. – Не я, слышишь, не я тебя уродовал! Я предложил, а ты согласилась, это врачи виноваты, а не я! Врачи! Чего ты меня мучишь, а? Убирайся, уходи, вон! Больше ни копейки, ни... Вон!

Он орал еще что-то, но дождь милосердно гасил слова. Дождь жалел меня, и от этой искренней жалости становилось тошно. Впрочем, после разговоров со Славкой мне всегда было тошно...

На обратном пути зашла в супермаркет: три этажа, забытые товарами, жидкие стайки покупателей, зевающие продавцы и охранники с рыбьими глазами. Я настолько разо-

злилась на Славику, что, изменив привычке, долго бродила по залам, почти наслаждаясь отвращением в глазах окружающего люда. Девочка-консультант из отдела косметики, увидев меня, охнула и непроизвольно потянулась к зеркалу смотреть, не переметнулось ли к ней мое уродство. Из отдела косметики я ушла быстро: вся эта экспортированная, запертая в тюбиках, флакончиках, баночках красота действовала на нервы. В зал бытовой техники забрела случайно, и сразу же растерялась. Вокруг сотни телевизоров, маленьких, больших и очень больших, работали на полную катушку и на одной волне, от этого становилось только хуже. Показывали новости, и с каждого из чертовой сотни экранов мило улыбалась дикторша.

А потом появилась фотография Ник-Ника, и я растерялась окончательно. Ник-Ник в белом смокинге, с бокалом шампанского в руке и хитрой фиговинной в другой выглядел совершенно непохожим на моего Ник-Ника, того, что спал на моем топчане и разглагольствовал о моей глупости. Но все равно, я узнала, узнала и испугалась: если Аронова ищут, то могут придти ко мне.

– Таинственное исчезновение Николоса Аронова... по словам очевидцев был крайне разочарован... «л'Этуаль» несет убытки... происки конкурентов...

Из-за обилия телевизоров звук наслаивался и большая часть информации прошла мимо меня. Удалось понять лишь то, что Ник-Ник – большая шишка и из-за его исчезновения

какая-то Этуаль несет убытки. Не мешало бы разузнать о моем постояльце поподробнее. Вопрос: как?

Ответ: из газеты.

Теленовости имеют обыкновение дублировать в печатном виде.

Газета, купленная в том же супермаркете – обожаю крупные магазины, все-то в них есть – порадовала. Ник-Нику отводился целый разворот, с огромным заголовком «Пропажа века?!». Из статьи, щедро приправленной подхалимистыми эпитетами и фотографиями довольно-таки неплохого качества, следовало, что Аронов – птица не просто важная, а суперважная. Надежда отечественного модельного бизнеса, незаходящая звезда и фея-крестная в одном лице. Его работами восхищались, самого недолюбливали, но при этом старались подражать, правда, по мнению автора статьи некого Аллуриева А. В., не слишком умело.

Ладно, это все сказки, плевать мне на карьеру, модный – или модельный? – бизнес и гипотетических конкурентов, которые спят и видят, как бы избавиться от Аронова. Гораздо больше меня интересует заявления, что «служба безопасности вплотную занялась обстоятельствами данного дела».

Пора вытурить Ник-Ника вон.

Творец

Ксана вернулась более раздраженной, чем обычно, швырнула Аронову газету, а сама уселась за комп. Делает вид, что очень занята, ладно, настаивать на общении Ник-Ник не будет, у него тоже есть чем заняться. Вот, кстати, газету почитать можно.

Статья Аронова позабавила, это ж надо такое придумать: «отец отечественного модельного бизнеса». А Лехин, следовательно, мать.

Ищут, значит. Это хорошо или плохо? Или без разницы? Может, пора выбирать, а то в этом подвале недолго и сразу подхватить, да и Лехин нервничает. С другой стороны, подобный скандал – на пользу бизнесу, пусть болото встряхнется, вспомнит Ник-Ника, а то, видишь ли, сплетни пошли, будто Аронов из моды вышел. Да большая часть этих сплетников под стол пешком ходили, когда Ник-Ник моду делал. Делал и будет делать, талант у него такой.

Ник-Ник умел не сочинять стихи, играть с завязанными глазами на рояле, перемножать в уме пятизначные числа, цитировать на память труды древних философов или же угадывать победителей на скачках, нет, ему доставался талант гораздо более редкий, можно сказать уникальный. Ник-Ник видел красоту, причем не только видел, но и умел сделать так, чтобы другие люди, обычные, серые, погрязшие в своих

страстях и проблемах, тоже начинали ее видеть. Талант Ник-Ника не ограничивался живописью, скульптурой, музыкой или еще чем-нибудь таким же, стандартно-выверенным, оцененным и поставленным в длинную вереницу объектов, что прячутся под стыдливым пологом понятия «общечеловеческие ценности». Более того, плевать хотел Ник-Ник на все общечеловеческие ценности вместе взятые. Джоконды, Венеры, Ариадны и прочие общепризнанно-прекрасные лики его совершенно не привлекали, то ли дело сокурсница-Галя, ставшая первым экспериментом, правда, экспериментом не совсем удачным, но, все же... все же именно тогда Колька Аронов совершил первый шаг к будущей славе.

У Гальки были рыжие волосы, веснушки и девяносто пять килограмм живого веса, полный аут, ни один томимый гормонами юноша не глядел в ее сторону. Ни один, кроме Кольки Аронова, который видел не килограммы, а нечто, что позже гордо именовал «индивидуальностью». Галькина индивидуальность складывалась из веснушек, рыжих волос и огромных светло-серых глаз. Его не понимали, над ним смеялись, считали почти что сумасшедшим, но, спустя месяц... спустя месяц Галина стала первой красавицей курса, потом университета, потом... на городском конкурсе красоты они срезались, все-таки Кольке Аронову не хватило знаний и опыта Ник-Ника.

Теперь у него есть и знания, и опыт, и деньги и многое, многое другое. А, ведь эксперимент имеет шансы на успех. В

этой девочке есть главный залог успеха – индивидуальность. Лицо... Это, конечно, минус. Татуировка, как у Летиции? Интересно, но этот прием он уже использовал, да и у Летиции был маленький шрам, а тут другое. Единственный выход – спрятать. Да, именно спрятать, но не совсем, это как длинная юбка с разрезом, когда все скрыто-спрятано, а в то же время будто и на виду. Маска?

А, почему бы и нет? Такого в его практике еще не случилось. Леди-маска, леди-тайна, леди-химера...

Леди-химера сидит, уткнувшись взглядом в компьютер, сидит и не догадывается, что будущее ее уже решено. Ник-Ник зажмурился, предчувствуя грядущее удовольствие. Ему нравилось создавать. Ему нравилось удивлять. Ему нравилось эпатировать.

Это будет самое удивительное из его творений!

Дело за малым, нужно, чтобы она попросила. Сама попросила. Пусть кому-то покажется странным, но Ник-Ник никому не предлагал своих услуг. Плохая примета. Вот, если она сама попросит, тогда да, тогда получится. Осталось предоставить ей такую возможность.

Узнай человека по желаниям его.

– Оксана.

– Да? – Она обернулась, и Ник-Ник вздрогнул, на это лицо не возможно глядеть без содрогания. А не переоценивает ли он собственные силы?

Ерунда, чем сложнее, тем интереснее.

За три часа до...

Стефания злилась, эта злость таилась в глубоких, словно ущелья, морщинах ее лица, в тяжелых – свинцовые тучи, полные града и молний – мешках под глазами, в тонких, похожих на выцветшие тряпочки, губах и круглом подбородке. Эта злость мешала жить, мешала думать, мешала дышать.

Эту злость следовало использовать.

В конце концов, он ничем не рискует.

– Я думал, ты погибла.

– Скажи лучше, что ты мечтал о моей гибели! – Стефания пила кофе, и, чтобы хоть как-то утихомирить гнев, комкала салфетку с монограммой Адетт. – И ты, и она, спелись за моей спиной, сговорились, думали, с рук все сойдет...

– Она и сейчас так думает.

– А ты?

– Я... Я заблуждался. – Серж приложил все усилия, чтобы голос звучал как можно печальнее. Когда-то Стефания попадалась на эту уловку. – Я страшно заблуждался, поверив ей. Она воспользовалась моим доверием, моей любовью, моим именем и состоянием.

Не совсем правда, но для Стефании в самый раз, она чересчур тупа и чересчур зла, чтобы разбираться.

– Как только деньги закончились... Их было не так мно-

го, – рассказывать, что денег не было вообще, Серж не стал, лишняя информация тяготит. Стефания слушала с интересом, даже несчастную салфетку оставила в покое.

– Так вот, когда деньги закончились, Ада вышла замуж за богатого.

– А ты? – Сочувствия в голосе Стефы не было, скорее злорадство. Впрочем, трудно ожидать другого.

– Мне выпала скромная роль брата.

– И ты согласился?

– Я любил ее.

Ее и деньги старика, у которого хватило глупости взять в жены бедную, пострадавшую от ужасов войны, девушку.

– И она клялась, что любит. Но... Она снова собирается замуж. Она снова бросает меня, но на сей раз навсегда.

– И чего ты хочешь?

– Того же, что и ты. Отомстить.

– Да? – В глазах Стефании читалось недоверие пополам с... надеждой. Значит, она ненавидит настолько, что готова рискнуть.

– Если она умрет, то...

– Мы попадем на гильотину.

Все-таки, Стефа не так глупа, как ему казалось. Правильно, именно злоеющий призрак гильотины его и останавливал. Убить... он готов был убить Адетт тысячу раз, и тысячу раз отступал, кожей ощущая ледяное прикосновение лезвия. Но теперь... С появлением Стефании многое из-

менилось, нужно действовать быстро, пока Адетт не сообразила.

Быстро, может быть даже сегодня.

Химера

Я тупо пялилась в монитор, пустая трата времени, в голове пустота, на душе гадко, но Ник-Ник шуршал газетой, и приходилось делать вид, будто я очень занята. Слишком занята для разговоров. Обсуждать статью? Господи, какое может быть обсуждение. Ник-Ник принадлежит другому миру, на благодатных подиумах которого пасутся стада стройных манекенщиц, в окружении фотографов, гримеров, парикмахеров и иже с ними. В том мире Аронов – король, вместо скипетра игла, а в качестве державы – голова от манекена.

Попросить его, чтобы взял? Он же король, он может, он согласится, ведь обязан мне жизнью, но смысл? Я и красота – разные полюса планеты, это как кислота и щелочь, анод и катод, яд и противоядие. Проще уж жить, как раньше, Ник-Ник уйдет и все возвратится на круги своя.

– Оксана.

– Да?

– О чем ты думаешь? – голос ласковый, как у инквизитора, который уговаривает очередную ведьму одуматься и, отринув Дьявола, возвратиться в лоно Матери-Церкви. – Тебе не надоело здесь жить?

– А есть варианты?

– Я могу купить квартиру.

– Надо же, какая щедрость. Деньги некуда девать?

– Я перед тобой в долгу. – Ник-Ник сел на кровати и, поддерживая здоровой рукой простреленное плечо, пробурчал: – Если бы не эта дыра, меня бы пристрелили.

– Надо же, какая жалость. – Мне упорно хотелось с кем-нибудь поругаться.

– Не знаю, как для тебя, но для меня аргумент весомый. Или хочешь, машину подарю? Шубу? Аквариум с рыбками? А вообще, давай так: загадай желание, а я исполню.

– Любое?

– Любое.

– Хорошо, – я почувствовала дикое желание сделать гадость, значит, этот самодовольный чудак полагает, будто сумеет выполнить любое мое желание? Что ж, раз так, пусть получает. И зажмурившись от собственной смелости, я загадала:

– Сделай меня красивой!

Якут

Леля по паспорту звалась Ольгой, Рязиной Ольгой Станиславовной, одна тысяча девятьсот восемьдесят седьмого года рождения. В отличие от Революции Олеговны Леля боялась всех и вся: трупа в ванной, милиции, грядущего допроса и

неотвратимого, как лавина по весне, разговора с Петроградской, которая – тут и гадать нечего – велит убираться прочь. Все нехитрые мысли крупными буквами отпечатывались на заплаканном личике.

А Леля, пусть и не красавица в полном смысле слова, но очень даже симпатична. Черты правильные, вот разве нос слегка длинноват, губы тонковаты, а брови чересчур выщипаны, даже не брови, а два прилипших ко лбу мышиных хвостика. Но, наверное, так модно. В моде Эгинеев не разбирался совершенно, просто время от времени замечал, что девочки, девушки и женщины, не зависимо от внешности, особенностей фигуры и возраста, вдруг хором одевались в сверхкороткие юбчонки, или начинали испытывать коллективную любовь к разноцветным колготкам, или брюкам непонятной длины – не штаны и не шорты. Подобные "природные" явления забавляли Якута, но в трогательных мышиных хвостиках на полудетском личике Лели не было ничего забавного. Пора начинать разговор, а то она снова заплачет, уже не от жалости к погибшему Роману, а со страха.

– Вас скоро можно будет поздравить с юбилеем, Ольга Станиславовна.

– Что? – Испуганный взмах ресниц, розовые пятна на щеках становятся ярче, нижняя губа подозрительно дрожит, меж бровей залегла глубокая складка.

– Я смотрю, у вас скоро день рожденья.

– Десять дней. – Складка разглаживается, да и губа пере-

стает дрожать.

– Двадцать лет, первый юбилей, мои поздравления.

– Спасибо.

– Где праздновать собираетесь?

– В "Маяке", это кафе такое.

– Хорошее?

– Мне нравилось. – Леля почти успокоилась. – Там, как на самом настоящем маяке, и Рома любит... любил... – Одинокая слезинка скатилась по щеке. Не дожидаясь вопроса, Леля продолжила. – Рома классный был. Что мне теперь делать – ума не приложу. Он меня на работу устроить обещал.

– Куда?

– К себе, в «л'Этуаль», знаете, сколько там модели получают?

– Нет.

– Много. – Хлюпнула носом Леля. – «л'Этуаль» – это то же самое, что Шанель во Франции, это даже лучше, потому что конкуренции нет. У Ник-Ника – самые классные модели, если бы Ромка меня устроил в «л'Этуаль», то, считай, карьера сделана. А теперь что?

– Не знаю. – Совершенно искренне ответил Эгинеев, который ну совершенно не понимал, о чем идет речь. Кто такая «л'Этуаль» и почему у нее конкуренции нет. Про шанель Якуту слышать доводилось от Верочки, испытывавшей нечто сродни благоговению ко всему французскому. Слова «Шанель», «Диор», «Гуччи» и иже с ними вызывали у Ве-

рочки острые приступы зависти ко всем счастливицам, которые могут позволить себе покупать подобные вещи, а не только вздыхать, рассматривая модные журналы. Но «л'Этуаль», про «л'Этуаль» Верочка ничего не говорила. Впрочем, Кэнчээри редко прислушивался к болтовне сестры. Нужно будет спросить. Обязательно нужно будет спросить.

– Теперь домой... – завывала Леля. – Старуха вы-ы-ы-гонит, денег не-е-е-ту, а я не хочу домой. Мне Ромка карьеру обещал. Чем я хуже? Скажите, я некрасивая?

– Что вы, вы очень привлекательная молодая девушка.

– Старая. Я уже старая для модели. Кто меня в двадцать лет возьмет? А я, между прочим, Мисс Очарование была! Первое место Скольской дали, но она – дочка мэра, хоть и уродина, а мне титул Мисс Очарование. А в Москве говорят: засунь этот титул знаешь куда?

– Без подробностей.

Но девчонку понесло, истерика перешла в фазу неконтролируемого трепя, остановить который не представлялось возможным. Леля, захлебываясь слезами и соплями, рассказывала о своей нелегкой жизни. Впрочем, ничего нового для себя Якут не узнал. Обычная история обычной провинциальной девчонки, которая решила во что бы то ни стало покорить столицу. Леля – единственная дочь довольно состоятельных по меркам провинции родителей, умная и в меру избалованная родительской любовью. Тот конкурс, в котором она получила титул Мисс Очарование, пластиковую ко-

рону и плед из верблюжьей шерсти в подарок, перевернул спокойное течение Лелиной жизни. Девушка решила стать моделью. Родители не сопротивлялись, они и вправду считали Лелю самой красивой раскрасавицей во всей России. Родители оплатили два года учебы в местной школе моделей, и Леле даже удалось поучаствовать в показах, которые в основном устраивали местные же модельеры. А после окончания школы – серебряная медаль, между прочим, и слабая попытка родителей убедить, что профессия экономиста ничуть не хуже – наступило время «Х». Леля отправилась в Москву. В модном по меркам города Ихтинска чемодане лежали немногочисленные – гардероб Леля решила обновить за счет поклонников, в скором появлении которых не сомневалась – вещи, косметика, паспорт, диплом об окончании школы моделей с присвоенным Леле званием «модель I класса» и портфолио.

Леля была уверена: стоит ей появиться в столице и все модельные агентства вступят в кровавую схватку за право принять в свои ряды подобную красавицу. На самом же деле... На самом же деле в Москве она была не нужна. Ну совсем, совершенно, безнадежно не нужна. В одном месте Леле сказали, что она слишком толстая – при ее пятидесяти двух килограммах и росте метр семьдесят пять. В другом обратили внимание не чрезмерно большую грудь – вещи будут плохо сидеть. В третьем – на невзрачную внешность, дескать, нет изюминки. В четвертом отказали без объяснения при-

чин. То же самое случилось в пятом, шестом, сто семьдесят третьем...

Наиболее удачное предложение Леля получила в фирме, которая под видом модельного агентства занималась предоставлением клиентам эскорт услуг. Здесь пришлось к месту и «лишние» килограммы, и большая грудь, и внешность, но Леля отказалась. Чтобы она да стала проституткой? В мифические эскорт услуги – все чисто, никакой пошлости, а секс сугубо по взаимному согласию – она не верила.

От злости и разочарования Леля даже поступила в университет, правда заштатный, бедный, совершенно неизвестный, зато там давали койку в общежитии. И работу нашла в цветочном павильоне, платили по московским меркам немного, но, если экономить, то на жизнь хватало. Маме Леля писала пространные письма, где вдохновенно врала про совершенно иную жизнь, в которой Лелину красоту оценили по заслугам, предложили место в одной из известных компаний, и теперь... вот-вот, совсем скоро, Леля пришлет любимым родителям журнал со своей фотографией на обложке. Пригласить в гости пока не может: показы, поездки, учеба в специальной закрытой школе и...

На самом деле: комната на четырех, влажные стены, окна, из которых даже летом тянуло сквозняком, постоянно отсутствующая горячая вода, кухня с тараканами и намертво въевшимся в стены запахом жареной селедки – на этажи нелегально жили вьетнамцы – туалет, который периодически за-

бивался и вонял на всю общагу. Зато в цветочном магазине Леля плавала в ароматах камелий, лилий, тяжелых роз и нежных голландских тюльпанов, если бы не покупатели – холеные мужчины и избалованные, капризные женщины, обращающиеся с ней, как с прислугой – Леля полюбила бы свою работу.

Ну чем она хуже? Ничем. Не уродина, умная, образованная, с хорошим характером и хорошими же манерами, но всего-навсего продавщица цветов. Не папина дочка, не начинающая актриса, не модель, не студентка МГИМО или, на худой конец, МГУ, а продавщица цветов. На бэйджике, правда, значилось гордое «менеджер по залу», но кто читает бэйджики?

– Ну чем я хуже? – В сотый раз спросила Леля, вытирая распухший нос рукавом. – Чем хуже?

– Ничем. – В сотый же раз ответил Эгинеев. – А если перестанете плакать, станете еще лучше.

Леля кивнула, надо полагать, согласилась. Ну и слава Богу, к женским слезам Якут относился с опаской, примерно как к пробирке со штаммом бубонной чумы, ежели таковой доведется – спаси Боже от подобного счастья – попасть в руки капитана Эгинеева. И в первом, и во втором случае любое неверное – а кто знает, как верно обращаться с бубонной чумой? – действие приведет к тяжелейшим последствиям.

– Как вы познакомились с Романом?

– Обыкновенно. Встретились в какой-то тусовке, нажра-

лись в хлам, а потом проснулись на хате у его друга. Ромка предложил пожить у него.

– Просто так взял и предложил?

– Ну... Понимаете... Он мертв, поэтому уже не имеет значения, правда?

– Что не имеет значения?

– Ну... Как бы объяснить... Рома – он не совсем нормальной ориентации, то есть, ему не девушки нравятся, а... гей, короче. Голубой, понимаете?

– Понимаю.

– Вот, а бабка его, ну, она старых порядков, догадайся она про Ромку – выгнала бы, а ему идти совсем некуда, он и предложил мне вроде как роль девушки сыграть, чисто для бабки, чтобы успокоилась, а меня к Аронову устроить пообещался.

– Кто такой Аронов?

– Аронов? – Леля откровенно удивилась, что в городе нашелся человек, который не знает, кто такой Аронов. – Ник-Ник Аронов – владелец «л'Этуали», а Ромка там одним из ведущих модельеров был, сам Ник-Ник его работами пользовался, понимаете?

– Каким образом пользовался? – Эгинеев окончательно утратил надежду разобраться в этом бедламе, который по ошибке именуют «миром высокой моды».

– Ну, обыкновенным, Ромка рисует модель, а Ник-Ник ее потом показывает, как свою собственную. На него много таких, как Ромка, пашет, а Ник-Ник лавры загребает. Рань-

ше-то он, конечно, крутой модельер был, но они, раскрученные, всегда так: сначала поработают, а потом других на себя заставляют пахать. – Леля вздохнула, судя по всему, она окончательно успокоилась и беседу можно продолжать без риска нарваться на очередной поток слез. С модными делами Эгинеев решил разбираться постепенно. Да и не понятно пока: было убийство или нет.

– Вы давно знакомы с Романом?

– Давно. Уже несколько месяцев.

– А поточнее.

– Ну... с июня где-то, может, раньше чуток. Это важно?

– Все важно.

– Ага, небось старуха понарасказывала тут, будто я, дрянь такая, Ромке жить мешала. Вы ее не слушайте, не смотрите, что старая, она – стерва такая, каких свет поискать! Нам с Ромкой от нее житья не было, это нельзя, то неприлично. Да ее представления о приличиях вообще в каменном веке вымерли. Вместе с мамонтами! – Выпала Леля. – Если хотите знать, Ромка ее боялся и ненавидел.

Дневник одного безумца.

Сегодня мне хочется писать про детство, наверное, потому что именно в те годы я был счастлив. Просто счастлив безо всяких уступок, условий, оговорок, которые мешают жить. Взрослые люди не умеют радоваться жизни, вечно им чего-то не хватает, вечно они куда-то спешат. Я то-

же спешу. Врач сказал, что в запасе у меня три месяца. Может, чуть больше, может, меньше, никому из нас не дано угадать день своей смерти. Зато мне повезло – я точно знаю, отчего умру. Не от случайной пули в бандитской перестрелке, как Портос, не от безнадёги и собственного безумия, как Атос – то что от него осталось, нельзя именовать человеком, это оболочка, пустая и бесполезная, а настоящий Атос давным-давно мертв. И я умру.

Именно сумрачная страничка, что вот-вот явится по мою душу, заставляет меня столь остро чувствовать жизнь. Каждый день, каждый час – как откровение свыше, сам удивляюсь своей слепоте, тому, что позволял раньше тратить драгоценное время на мелкие дрязги, на ссоры, погоню за прибылью... Кому она нужна, эта прибыль. Ни детей, ни родственников, во всяком случае таких, о ком мне бы хотелось заботиться. Троюродные братья, двоюродные тетки матери, полужнакомые люди, которые по странному стечению обстоятельств называют себя моими родичами. Если бы они знали... Недавно мне приснилась стая шакалов, худых, измученных и жадных, желтые глаза светились надеждой, а с клыков капала слюна. Шакалы не решались приблизиться к живому человеку, шакалы ждали смерти...

Они, мои нечаянные родственники, тоже будут ждать наследства. Они уже ждут, но без особой старательности, отмеривают мне годы и плохо спят от мысли, что я могу жениться или, хуже того, стать отцом. А если бы знали о

моей болезни? Счет пошел бы на дни, часы, на родственную любовь, которую они бы старались выказать один вперед другого. Вижу сочувствие на их лицах и жадную шакалью надежду в глазах.

В детстве все было намного, намного проще. Помнишь, мы сбегали с уроков на речку, купались и загорали, бродили по дворам и самой большой проблемой было предстоящее объяснение с родителями. Но и о нем мы почти не думали. Весь мир существовал для нас, и это было непередаваемо.

Вчера весь вечер гулял по городу. Не по нашему, скромному, пыльному и провинциально-уставшему от своей обыкновенности, а по Москве. Ты когда-то мечтала уехать в Москву. Я здесь живу, и Арамис тоже. Я тебе, кажется, говорил, что у нас с ним своя фирма? Мы знамениты и, чего уж там, богаты, сейчас я способен исполнить все наши детские мечты, но мечтается уже совершенно о другом.

Я хочу быть с тобой.

У Бутусова есть песня, которая так и называется "Я хочу быть с тобой", не могу ее слушать – слишком больно. Милая, милая Августа, зачем ты поступила так? Зачем ушла? Неужели не было другого выхода? Неужели не нашлось человека, которому бы ты доверила свою боль? Мне кажется, я знаю, чего ты боялась – осуждения. Для тебя всегда много значило, что подумают другие. Но неужели мы бы не справились вместе? Неужели ты полагала, будто и я отвернусь от тебя? Или я в твоём представлении был

слишком ненадежной защитой?

Не знаю. Больно. Эта боль терзала меня двадцать пять лет.

Двадцать пять лет я не решился заглянуть в прошлое, опасаясь потревожить твой да и свой покой, покой вынужденный, притворный, лживый, как зеленая корка травы над трясинной, но в один прекрасный день я узнал, что болен.

Эта судьба, уставшая ждать моего пробуждения, резко толкнула в спину. Порой она бывает очень злой, но за этот поступок я не в обиде. Помнишь, Августа, ты говорила, что на судьбу нельзя сердиться? Что она ведет нас туда, куда мы сами жаждем попасть, но стесняемся признаться?

Куда же хотела попасть ты, моя маленькая Констанция? Почему, преступив однажды через сюжет Дюма, ты не разрушила его окончательно? Почему оставила за собой самую трагическую из сцен?

Глупо спрашивать, но не спросить я не могу...

Химера

– Красивой? – Ник-Ник не растерялся, не удивился, не расхохотался мне в лицо, он просто спросил, точно таким же тоном, как если бы спрашивал, не желаю ли я на завтрак яичницу. Или отдаю предпочтение обезжиренному кефиру?

– Значит, ты хочешь стать красивой?

– Да.

– Что такое красота? – Его вопрос поставил меня в тупик. Красота – это красота, либо есть, либо нет. Сама знаю, что желание невыполнимо, так зачем он мучает меня вопросами?

– Сядь. – Приказал Ник-Ник. – Ты должна знать, чего хочешь. Ты просишь красивое лицо, правильное, аккуратное, с математически выверенными чертами, с ровненьким носиком, пухлыми губами и ямочками на щеках? А глаза большие и удивленно распахнутые, так?

– Н-не знаю. – Попыталась представить себя такой, как он говорит, и не сумела.

– Не знаешь... Зато я знаю. Это – не красота, это так... иллюзия. Мода. Сегодня в моде блондинки, завтра брюнетки, послезавтра рыжие. И тысячи дурочек летят в парикмахерские, чтобы перекрасить, подстричь, нарастить, завить или же распрямить волосы. А зачем? Чтобы соответствовать моде. Не красоте, – голос Ник-Ника сотрясал стены моего жилища.

– Глупые бабочки, вылупившиеся из одного кокона, похожи друг на друга, словно отражения, они безлики, а красота, настоящая красота, не имеет права быть безликой. Настоящая красота не имеет границ, не имеет правил, она самодостаточна и недосягаема, мода – лишь бледное ее подобие, тень от тени... Ты вот хочешь стать красивой. Зачем?

– Люди... вернуться... – Слова, мысли, мои слова и мои мысли, которые я так старательно растила, выпалывая ма-

лейшие ростки сомнения, подбирала одна к одной, словно драгоценные камни для ожерелья, разбежались, оставив во рту горький привкус неуверенности.

– Люди, люди, люди! Люди ничего не понимают в красоте, люди только и умеют, что восторгаться, но восторгаются они тем, чем скажут, не решаясь на большее. Я не способен дать тебе новое лицо, к сожалению, я не бог, но...

– Понимаю. – Я и в самом деле все понимала, он не бог, и даже не ангел, впрочем, я бы согласилась и на беса, но Ник-Ник – человек, обыкновенный человек, а, значит, не способен сотворить чудо.

– Не понимаешь. – Ответил человек Ник-Ник. – Ни черта ты, девочка моя, не понимаешь. Не в моих силах дать тебе новое лицо, но... но можно сделать так, что люди увидят в тебе красоту, ту самую красоту, которой жаждут. На самом деле тебе же плевать на то, какое у тебя лицо, тебе хочется отнюдь не гладкой кожи и правильного разреза глаз. Ты жаждешь поклонения, восторга в глазах и завистливых вздохов за спиной, ты мечтаешь танцевать на чужих сердцах, сердцах самцов, что еще недавно и не поглядели бы в твою сторону. Ты душу продашь за их тупое вожделение и первое место в ряду самок, с которыми эти самые самцы хотели бы спариться. Ты ведь этого хочешь?

– А что, нельзя?

– Можно, девочка моя, нужно, без желаний нет стремлений, без стремлений нет движенья, без движенья нет жизни.

Как видишь, все просто, очень просто. Одни хотят владеть миром, другие – купить новые сапоги, третьи... третьим достаточно увидеть себя на экране телевизора. Или, быть может, ты предпочитаешь журнал? Глянцевые страницы, заполненные рекламой и полуобнаженными, а то и вовсе обнаженными, красотками. Мечта онаниста...

– Прекрати! – Жестокие слова Ник-Ника с точностью безумного хирурга уродовали мою мечту, в его исполнении она казалась... жалкой. Да, жалкой, несерьезной и пошлой.

– Нет, девочка, не прекращу. Я обещал исполнить любое твоё желание, Ник-Ник умеет быть благодарным, но ты должна понимать, чего просишь.

– Уже ничего.

– Неправда. – В его голосе легкий упрек. Шоколадная крошка на белом айсберге мороженого, кусочек льда в бокале мартини и упрек в голосе Ник-Ника одинаково уместны. – Не надо стыдиться, не надо лгать Ник-Никю. Итак, милая, давай проясним все до конца. Я способен дать тебе и любовь толпы, и поклонение. Ты станешь идиолом, богиней этого мира, забывшего о существовании богов, недостижимой мечтой. Тебя будут вождеть, тебе будут подражать и тринадцатилетние глупышки, и старухи в домах престарелых, ты получишь эту страну, ибо тот, кто владеет толпой, владеет и страной, но есть одно условие.

– Какое? – Я спрашивала, заранее соглашаясь на все его условия, одно, десять, сто десять – не важно. Убить или быть

убитым, украсть, предать или пройти босиком по стеклу – все, что угодно. Ник-Ник обещал чудо, ради которого я согласилась бы и душу продать.

– Ты меня слушаешься. Нет, прежде, чем согласишься, подумай. Послушание должно быть полным. Если я говорю смейся, ты смеешься, говорю плакать – рыдаешь в три ручья, говорю уйти – уходишь, говорю переспать с человеком – прыгаешь в койку, как бы отвратителен партнер не был. Понятно?

– Понятно.

– Итак?

– Я согласна.

Ник-Ник хмыкнул, он другого и не ожидал.

– А разрез глаз, – заметил он, – придется изменить, он у тебя чересчур стандартный. Запомни первое правило: красота не имеет стандарта.

Творец

Она была предсказуема, девочка-из-подземелья, она так страстно мечтала стать красивой, что Ник-Ник ощутил себя Дьяволом, вымогающим душу в обмен на горькую конфету. Ксана пока не знает, что конфеты красоты очень горькие, а порой вообще опасны для жизни.

Главное сказано, она попросила, он согласился, формальности соблюдены. Ник-Ник и сам не знал, нужны ли ему эти

формальности. С ними было... удобно. Привычно. Это как молчаливое свидетельство того, что удача останется с тобой вплоть до завершения проекта.

Этот будет девятым по счету. Милое число, незавершенное, округлое, скользкое и мистическое. Как далеко он зашел, разве пятнадцать лет назад, когда все только-только начиналось, мог он надеяться, что когда-нибудь начнет девятый проект?

Самый первый пришелся на год тысяча девятьсот девяносто третий: затянувшийся развал империи, беспредел и передел, агония утомленного перестройкой коммунизма и старые иномарки новых хозяев жизни. А еще чаровница-Элиз. Белые кудряшки – сладкая вата – румяные щеки, выдающийся бюст и карамельный ротик. Как раз то, что нужно, чтобы привлечь внимание. Она была капризной девочкой и продержалась недолго – через пару месяцев выскочила замуж за непонятного типа с золотой цепью и фирменными кроссовками «Адидас», которые весьма занятным образом сочетались с белой рубашкой и антикварными запонками. Тип мерил все на деньги, и отдал за Элиз внушительную сумму, которой хватило, чтобы начать следующий проект.

Анна, томная вызывающе-непохожая на других Анна. Черная кожа – подарок папочки-африканца – голубые глаза – спасибо маме-москвичке, короткая стрижка, широкое кольцо в нижней губе и серебряные браслеты на руках. Именно Анна стала первой звездой нового дома моды – на-

сколько претенциозно это звучало – «л’Этуаль» – именно благодаря ей Аронова заметили, а Лехин убедился, что дикие проекты товарища приносят неплохой доход. Анна была совершенна, от макушки с ежиком жестких черных волос, до нежно-розовых пяток. Анну убили в подъезде собственного дома. Группа националистов, решивших, будто черная красавица попирает сами устои России. На суде подростки – старшему едва исполнилось семнадцать – разглагольствовали о великом русском народе, русской идее и русской красоте, а Ник-Ника называли моральным уродом и еврейской тварью. Дело замяли – на то время национализм был чем-то странным, но не слишком опасным. Единственный случай не в счет.

Коллекцию одежды, посвященную Анне – белый бархат, мех, серебро и шляпы с широкими полями – демонстрировала Виктория, хрупкая, как осенний лед, тщедушная Виктория, самым большим достоинством которой являлась невзрачная внешность. Рисуй, что хочешь. Своей серостью Виктория замечательно оттеняла модели Ник-Ника и стяг Аронова поднялся еще выше.

Потом была Мирта... Юкка... Варавва – в этот период Аронов здорово увлекся Библией. Бедняга-Летиция и Айша.

Что делать с Айшей? У девочки скандальный характер, появление конкурентки она воспримет как посягательство на свою карьеру, и будет, безусловно, права. Впрочем... Впрочем, отделаться от Айши не так сложно: вызвать ссору

и уволить к чертовой матери. А еще лучше перепродать контракт.

Этим пусть займется Лехин.

Да и времени хватит: с Ксаной нужно хорошо потрудиться, походка, жесты, поведение... Аронов аж зажмурился от удовольствия: он обожал начинать проект, расписывать план, продвигаться шаг за шагом и чувствовать себя Пигмалионом, который из никчемного куска плоти вот-вот вылепит нечто чудесное.

К тому же пора работать над новой коллекцией.

Взглянув на портрет Сталина, Ник-Ник усмехнулся. Пожалуй, он даже знает, в каком направлении работать.

Это будет интересно.

Якут

– Пожалуйста, расскажите об этом поподробнее, – Эгине-ев старался говорить как можно мягче, чтобы не испугать Лелю своим интересом к семейным ссорам. Впрочем, можно было не беспокоиться, свидетельница прямо таки жаждала поделиться информацией.

– Рома, он же был тонкий, чувствительный и талантливый безумно, а она постоянно его задевала. Дескать, что за профессия для мужчины. А профессия нормальная, даже классная, знаете, как мне девчонки завидовали? Ромка любое платье с Черкизова мог превратить в шедевр. А она на него дави-

ла, чтобы пошел нормальным делом заниматься. Ромка рассказывал, что раньше, ну до моего появления значит, скандалы были дикие. Бабка его разве что из дому не выгоняла, требовала работать пойти, а потом, когда Рому к Аронову взяли, поутихла. Деньги-то он зарабатывает. На его месте я бы старуху вообще в дом престарелых отправила, пусть там санитаров строит, а он терпел.

– Почему?

– Ну родственница же, – не слишком уверенно сказала Леля, – да и квартира на нее записана, Ромка вроде как посторонний. А она этим пользовалась и при каждом удобном случае грозила квартиру домработнице завещать. Ну чтобы Ромка не зазнавался. Он и не зазнавался, он вообще тихий был, засядет за свои рисунки и целый день точно нету. И боялся жутко, как бы бабка про ориентацию не пронюхала, ну, что он с мальчиками больше, чем... – Леля ненатурально покраснела.

– Революция Олеговна не одобрила бы?

– Скажете тоже! Не одобрила... да она Ромку собственными руками придушила бы. Она не раз заявляла, что правильно при Союзе гомосексуалистов сажали, а еще лучше, если бы их расстреливали, как Гитлер. Что это – издевательство над природой и позор. А теперь представьте, каково Ромке было этот бред слушать?

– Почему же он тогда отдельное жилье не снял? Не мог позволить?

– Да мог, в общем-то, но он свое дело мечтал открыть, деньги собирал, каждую копейку откладывал, а все равно фигня выходила, чтобы подняться бабок до фига надо, с его зарплаты не соберешь. А потом ему предложили подзаработать.

– Как? – Эгинеев уже порядком устал от разговора, но делать перерыв не собирался: девчонка в состоянии шока, болтает без умолку, но кто знает, как долго это состояние продлится? Вдруг через час она наотрез откажется разговаривать? Нет, нужно пользоваться моментом и работать, а отдохнуть он и дома отдохнет. Верочка плов обещала приготовить...

– Честно говоря, знаю плохо, вроде конкурентам инфу слить, но какую – хоть убейте, не скажу.

– Инфу – это информацию? – На всякий случай уточнил Эгинеев.

– Ага. Вроде как они Ромку к себе взять обещались, и авторскую коллекцию выпустить, чтобы под его собственным лейблом, а он об этом всю жизнь мечтал.

– И согласился?

– А вы бы не согласились? – Леля успокоилась окончательно, о недавних слезах свидетельствовали вспухшие веки и покрасневший кончик носа, ну и еще некоторая неустроенность в самой фигуре. Впрочем, раздавленной горем она не выглядела. Более того, Кэнчээри цинично предположил, что в скором времени перспективный модельер Рома Сумочкин

будет забыт, а Леля с легкостью отыщет нового друга. Все-таки бюст у нее впечатляющий.

Мысли сползли в совершенно ненужную колею, и Эгинею усилием воли вернулся к разговору.

– Он не боялся, что начальство узнает?

– Боялся конечно. А когда Аронов исчез, конкретно в штаны наложил.

– Кто исчез?

– Николас Аронов, – Леля посмотрела с презрением, должно быть, в ее понимании не знать об исчезновении Великого Аронова было глупо. – Владелец «л'Этуали». Да об этом сейчас по всем каналам говорят, а вы не знаете! Стыдно.

Химера

Мы вышли на поверхность. До свидания катакомбы, прощай родимый подвал с облупившимися стенами и портретом Вождя народов. Иосифа Виссарионовича я даже поцеловала на прощанье, просто так, от радости, но стоило выйти наверх, и радость моментально испарилась. Во-первых, было светло, ну, не совсем, чтобы день, но и не ночь – длинный осенний вечер, размазанные краски, легкий туман, смутные силуэты дальних домов и непростительно яркие витрины.

Я надвинула капюшон поглубже, а Ник-Ник презрительно фыркнул. Хорошо ему, пусть и выглядит, как бомж – неде-

ля под землей никого не красила – зато лицо нормальное. К бомжам Москва привыкла, а вот уроды во все времена привлекали внимание.

– Куда идти?

– Идти? – Удивился Ник-Ник. – Ехать, милая моя, только ехать, я уже слишком стар, чтобы ходить пешком.

С таксистом пришлось договариваться мне, две симпатичные бумажки иностранного производства, и мы уже на месте. Дом Аронова располагался не на широко разрекламированной Рублевке – Ник-Ник сказал, что это пошло и непрактично – а в самом центре Москвы, этакий относительно небольшой по современным меркам особнячок в стиле позапрошлого века. Правда, в стилях я разбираюсь слабо, но пухлые колонны, каменные вазы с отцветающими астрами и изящный забор – настоящее металлическое кружево – мне понравились. Одно странно – почему особняк до сих пор не снесли, очень уж вызывающе он смотрелся в окружении элитных многоэтажек, этакий игрушечный домик во дворе великанов. На месте особняка вполне уместилась бы еще одна многоэтажка вместе с подземным гаражом, детской площадкой, вестибюлем, консьержкой, охранником и круглосуточным сервисом. Я спросила у Ник-Ника.

– Ну, во-первых, это историческая ценность, а во-вторых, он принадлежит мне.

– А разве так можно? – Сколь помнится, частным лицам и организациям запрещено владеть домами, представляющими

ми историческую и художественную ценность.

– Мне можно.

В скором времени я убедилась, что Ник-Ник с готовностью разрешал себе все, что пожелается.

К особняку прилагался штат прислуги. Я уже успела познакомиться с горничной Леной – бесцветная девица неопределенного возраста и меланхолического характера, к нашему появлению она отнеслась с поразительным равнодушием, в отличие от Эльвиры, которая являлась неким гибридом между экономкой и дворецким. Сама Эльвира гордо именовала себя "домохозяйкой" и невзлюбила меня с первого взгляда. Кстати взгляд этот был колючим и откровенно раздраженным, но я привыкла и Эльвирино недовольство проигнорировала. В теории имелись еще шофер и повар, с ними, надо полагать, познакомлюсь чуть позже.

– Николай Петрович, – Эльвира охала, ахала, порывалась немедленно стащить с Ник-Ника грязный пиджак, вызвать Скорую, милицию и пожарных. Со скорой и милицией, допустим, понятно, но пожарные-то зачем? Просто, на всякий случай?

– Ах, Николай Петрович, мы так волновались... мы места себе не находили... мы ночей не спали...

– Пустырник пить надо, помогает от бессонницы. – Аронов милостиво позволил стащить с себя пиджак и распорядился вызвать некоего Лехина. Распоряжение Эльвира выполнила со скоростью хорошо выдрессированной секретар-

ши.

– Боже мой, как хорошо дома... – Ник-Ник, скинув ботинки, с наслаждением вытянул ноги. – Сейчас ванну и баиньки... тебе тоже помыться не мешало бы. Значит так, пару дней сидишь здесь, потом я договариваюсь с врачом, посмотрим, что можно сделать... глаза меняем однозначно... фигура... пока не знаю, костяк хороший, остальное делается. Господи, неужели я, наконец, нормально выплусь? Дома? В своей постели? Ты не представляешь, какой это кайф!

– Представляю. – В этом доме я совершенно потерялась, слишком много света, зеркал и роскоши. Одна люстра – хрустальный монстр, изрыгающий свет – чего стоит. Зеркала ненавижу по определению, к мебели – кожа цвета топленого молока, причудливые линии, резные ножки, спинки, подлокотники, позолота и невидимая печать Больших денег – страшно прикоснуться. Да и вообще не понятно, зачем я пришла сюда, поверила в сказку, как дура, дурой себя и чувствую. А еще Эльвира буравит недобрым взглядом. Она-то замечательно вписывается в обстановку: довольно молодая, еще красивая, в строгом платье, назвать которое униформой язык не поворачивается, с аккуратной прической и повадками светской львицы. Она умудрилась выказать свое отношение ко мне, не сказав ни слова.

– Лехин скоро будет? – Недовольно поинтересовался Ник-Ник. Эльвиру он и взгляда не удостоил, гораздо больший интерес у Аронова вызвали носки. Я тоже на всякий случай

посмотрела. Обыкновенные мужские носки, черные, слегка потянутые, не слишком чистые. На правом – дыра, сквозь которую позорно выглядывал палец. Ник-Ник сморщился, будто увидел нечто в крайней степени отвратительное.

– Где Лехин, я спрашиваю?

– Он уже едет. Прикажете кофе подать? Чай?

– Ты будешь?

– Чай, если можно. – Честно говоря, страшновато, с Эльвиры станется яду подсыпать, вон она как скривилась.

– Мне кофе, ей чай и пожрать чего-нибудь. И быстро, быстро, разленились тут без меня.

Точно отравит – с каждым словом лицо у Эльвиры вытягивалось все больше и больше, пока окончательно не приобрело сходство с лошадиной мордой. Но одернуть Аронова она не осмелилась.

– На Эльку внимания не обращай, – сказал Ник-Ник, стоило домоправительнице выйти за дверь. – Она вообще адекватная, но иногда зарывается, работает у меня уже десять лет и думает, будто может командовать. Хотя, надолго ты здесь не удержишься...

– Кто такой Лехин?

– Мой компаньон, в прошлом врач и неплохой, пускай посмотрит боевое ранение, авось чего умного скажет. А ты иди, иди, отдыхай, пока можно.

Наверное, из всех комнат в доме мне отвели самую ма-

ленькую и неудобную, с окном, выходящим на задний двор – прекрасная возможность полюбоваться на кучи мусора – и почти без мебели. Впрочем, я непривередливая, кровать есть, вот и ладно. И ванна есть, большая – после моего бака любая ванна почти бассейн – белая, замечательная ванна с горячей водой, которая просто течет из крана. Смешно? А попробуйте-ка сначала затащить баллон с газом в крысиную нору, потом нагреть на этом газу достаточно воды, чтобы помыться, просто помыться, безо всяких излишеств вроде пены, ароматических солей, скрабов для тела и прочих приятных вещей. В ванне я лежала часа два. Потом выпила холодный чай – подали прямо в комнату, закусила пирожным и с чувством глубокого морального удовлетворения легла спать.

За двенадцать часов до...

Разговор состоялся, он был неотвратим, как дождь в хмурое осеннее утро, и столь же неприятен. Серж ощущал себя... виноватым. Да, именно виноватым, хотя Адетт и твердила, будто бы за ними нет вины.

Не вина, но обстоятельства... Война... Революция... Нынешний мир чересчур опасен для хрупкой женщины. А в Париже спокойно, особенно теперь, когда война осталась позади, а русские большевики далеко за границей.

Отмытая и причесанная, одетая и надушенная – аромат, который льнул к Адетт, на увядающей коже Стефании оборачивался вонью – Стефания стала больше похо-

дить на себя. Какая она все-таки старая. Старая и некрасивая. Этот узкий лоб, волосы, похожие на свалявшуюся паклю, обрюзгая фигура и расплывающееся, точно плохо приготовленное тесто, лицо. Улыбается. Думает, она победила, думает, теперь Адетт раскается и попробует откупиться от старинной подруги. Впрочем, этих двоих сложно было назвать подругами, отношения, которые их связывали, были гораздо прочнее и запутаннее. Противостояние, раздражение и зависть – три горгульи, жаждущие добычи.

В доме жарко – Адетт приказывает топить и летом, она мерзнет, особенно когда волнуется. Пожалуй, это единственное, что выдает волнение, да еще приятная бледность.

Интересно, кто победит на сей раз? Серж налил себя полный бокал – к черту манеры и приличия – бренди. Разговаривать на трезвую голову... неприятно.

Какое, однако, симпатичное слово.

– А ты неплохо устроилась. – Стефания заговорила первой. Она всегда выбирала прямой путь, прелесть долгой и сложной интриги не доступна ограниченному разуму. А он уже и подзабыл, сколь глупой она была.

– Думаешь, все с рук сойдет?

Поднятая бровь в качестве не то ответа, не то вопроса.

– Совсем забыла, кто ты есть? – Стефания нервничает, в голосе прорезаются визгливые нотки, совсем, как раньше, когда она, не стесняясь прислуги, закатывала скандал. –

Встань, когда я с тобой разговариваю!

– Разговариваешь? По-моему, разговором эти вопли называет лишь глухой. А теперь послушай меня, Стефания, хоть раз в жизни послушай меня... Поверь, предложение выгодное, согласившись ты потеряешь гораздо больше, нежели приобретешь. Выгоднее быть может лишь моя смерть, но я умирать не собираюсь.

Пока не собираюсь...

Творец

– Новый проект? – К известию Лехин отнесся с изрядным скептицизмом. – Сейчас? А с Айшей что? На улицу?

– У нее куча предложений, не пропадет.

– Она-то не пропадет, – Лехин осторожно разматывал бинты, продолжая ворчать, – а вот мы лишимся хорошего заработка. Не понимаю тебя, Аронов, вечно ты ищешь, куда бы влезть. Девочка работает? Работает. Доход приносит? Приносит. Так какого лешего тебе еще одна понадобилась? Что, такая красавица?

– Словами и не опишешь. – Ник-Ник представил себе реакцию Лехина, доведись тому увидеть лицо Ксаны – ужас и отвращение. И последующий – после того, как первый шок пройдет – вызов Скорой для свихнувшегося партнера. Нет, Лехину Ксану показывать рановато, а потом он и сам спасибо скажет. Лехин бизнесмен, он не понимает, что мода ме-

няется быстро, и долго на одном и том же лице зарабатывать не получится. Скучно, а скука убивает видение прекрасного. Нет. Ксана подвернулась очень вовремя, с учетом операции времени в обрез: одну убрать, вторую поставить. И коллекция, обязательно коллекция...

– Заживает нормально, – сообщил Лехин, – тебе повезло, еще немного влево и конец карьеры.

– В смысле?

– Ну. Сомневаюсь, что Господу Богу нужны модельеры.

– Иди ты... – Плоские шуточки, сохранившиеся еще с давних "врачебных" времен, были неотъемлимой частью Лехина.

– Покажешь красавицу?

– Нет.

– Что так?

– Рано пока. Нужен хороших хирург.

– Пластический? – Уточнил Лехин.

– Нет, блин, тот, который геморрой удаляет. Конечно, пластический. И чтобы работать умел.

– Найдем. Все-таки очередная уродина. Господи, Аронов, ну где ты их только находишь, а?

– В подземелье.

– По тебе заметно. Ты больше так не исчезай, лады? Я чуть коньки со страху не отбросил, всем нужен Ник-Ник, твои эти... портные, в истерике, девки требуют невесть чего, контракты какие-то, обещания, шмотки...

– Ничего не дал?

– Ничего.

– Правильно, это они ситуацией воспользовались. – Ник-Ник поморщился, чертово плечо, растревоженное Лехиным, снова болело. Когда же оно успокоится? Проклятье, с таким плечом много не поработаешь.

– Да я понял. – Лехин поскреб голову какой-то длинной тонкой штукой непонятного предназначения. – И милиция приходила...

– Зачем?

– Ну, первый раз мы сами вызвали. Не кипятись, я понимаю, что ты не любишь внимания привлекать, но сам посуди: уехал, никому ничего не сказал, машину нашли в каком-то богом забытом переулке, а ты исчез, как сквозь землю провалился...

– Вот именно, что провалился.

– Что?

– Ничего. Дальше рассказывай.

Лехин поскреб подбородок и продолжил:

– А второй раз пришли, когда Роми умер. Ну Сумочкин Роман.

– Я помню, – огрызнулся Аронов. – Умер?

– Умер, умер, они поэтому и приходили, подох, гаденьш.

– Сам?

– Да хрен их разберешь, то ли убийство, то ли самоубийство, то ли вообще никакого криминала.

– Не было бы криминала, не пришли бы. – Новость Ник-Ника расстроила. Смерть – это так некрасиво, да и Роми, хоть подлец и скотина, но смерти на заслуживал, максимум – хорошего пинка под зад. А теперь – не приведи господи убийство – копать начнут, приходиться, воображение чужое будоражить, газеты, получив очередную порцию сплетен, загавкают, модельки в истерику ударятся, да и Проекту повредить могут.

Черт, как все не вовремя.

Якут

Стыдно признаваться, но об исчезновении Аронова, Якут не знал. Да и откуда: с коллегами отношения не самые теплые, сплетничать с Эгинеевым никто не станет, разве что снизойдут до очередной идиотской шутки, а телевизор он уже сто лет как не смотрел. Некогда. Жизнь состояла из трех частей: работы, Верочки с ее разменом и бесконечным мотанием по городу в поисках «подходящего варианта» и сна. Телевизор в распорядок дня не вписывался. Правда, были еще сводки, но в них – тут Эгинеев готов был на что угодно поспорить – никакой информации относительно исчезновения Аронова не имелось.

Да и вообще непонятно, связано ли это исчезновение в духе Дэвида Копперфильда со смертью Романа Сумочкина.

На всякий случай Эгинеев спросил Верочку, что та знает

про «л'Этуаль» – да здравствует французский шик в российском исполнении – и Аронова. Лучше бы не спрашивал, не чувствовал бы себя столь ущербным.

По словам Верочки «л'Этуаль» была одной из современных икон и в храме женского тщеславия занимала отнюдь не последнее место. Иметь «вещь от Аронова» было модно, престижно, классно, неподражаемо, невероятно сложно, ибо самая маленькая фиговина, украшенная скромной эмблемой «л'Этуали» стоила бешеных денег. Зато счастливая обладательница поднималась в глазах своих подруг на недостижимую высоту.

Все это, конечно, хорошо, но совершенно не дает представления о гибели Сумочкина. Придется ждать результатов вскрытия и тешить себя надеждой, что парень умер сам, без посторонней помощи. Лезть в высоко модное болото Эгинееву не хотелось. И удовольствовавшись ответом лысоватого господина – партнера и совладельца «л'Этуали» Лехина Марата Сергеевича – что никаких претензий к Сумочкину «л'Этуаль» не имеет, Эгинеев притормозил расследование.

Да и куда спешить, когда нет конкретного заключения о причине смерти.

Химера

После первого всплеска радости я начала понимать, куда влипла. Дни были заполнены уроками: хореография, ритми-

ка, актерское мастерство и стриптиз. День был расписан по минутам и каждое отступление каралось долгой душевспасительной беседой с Лехиным. Вот уж кто старался внушить, что более неудачного выбора Аронов при всем желании не сделал бы. Плевать, как бы плохо Марат обо мне не думал, сама я думала о себе еще хуже.

Он вообще был на редкость невыразительной личностью, Лехин Марат Сергеевич, полная противоположность Ник-Нику. Аронов у нас яркий, настоящая звезда, а Лехин – серый и унылый, как моя прошлая жизнь. Тяжелый взгляд, брезгливо поджатые губы, толстые носогубные складки, похожие на собачьи брыли и постоянное недовольство всем и вся. В другое время я в жизни не рискнула бы связаться с таким типом, как Марат, но отступить было поздно, да и не позволили бы мне отступить – слишком много денег вбухано в проект. Вот и учусь ходить от бедра, держать голову прямо и смотреть строго вперед. На самом деле это безумно сложно: идти, не глядя на землю, и при этом не спотыкаться.

Лехин, когда я в очередной раз подворачивала ногу – каблуки, скользкий паркет или ковер, за который я в силу невнимательности умудрилась зацепиться – только морщился и вздыхал. Вздыхал и морщился, с недоверием разглядывая скромную маску-домино – подарок Ник-Ника, который решил, что нечего моей физиономией людей пугать.

Сам Аронов словно забыл про меня, он с головой окунулся в работу, а карандаши, бумага, настольная лампа и твер-

дый планшет полностью заменяли ему общение. Рисовал он неплохо, я как-то подглядела, но в рисунках его не увидела ничего такого. Впрочем, не знаю, чего я ожидала от них. Чуда? Откровения? Взгляду непосвященного открываются тайны истинной красоты? Чушь. Единственное, что я увидела. клубок черных линий, толстые, тонкие, плавные и ломкие, углы и окружности, но ни следа красоты.

Впрочем, что я понимаю в красоте?

Ровным счетом ничего.

Творец

Жизнь на удивление быстро вернулась в привычную колею, будто бы и не было безумного бега по темным дворам, шагов в темноте и странного, ни на что непохожего подземелья с портретом Сталина.

Именно портрет: хмурое лицо, суровый взгляд и седые усы – вдохновил Ник-Ника на создание коллекции. Это будет нечто: белая гвардия, красная кровь, смута и упокоение. Революция. Да, именно так он и назовет: Революция.

Ксана – символ прошлого, темного, замаранного тайной и стремлением к смерти. Ах, милый, славный Декаденс, клубы самоубийц и трогательная готовность верить в сверхъестественное... Для нее – черные, красные, лиловые тона, легкая неопрятность, затаенное безумие и откровенная слабость.

Для него – Ник-Ник уже решил, что непременно подберет

Ксане пару, это ведь так логично: мальчик и девочка, как только он раньше не додумался? Для него – снежно-белое великолепие зимы семнадцатого года и алая, трудовая кровь.

Черт побери, это будет нечто!

Только нужно хорошо продумать кандидатуру партнера. Кто-нибудь достаточно известный, чтобы привлечь внимание к проекту. Кто-нибудь достаточно умелый и харизматичный, чтобы передать настроение и сохранить идею. Кто-нибудь не слишком дорогой, иначе Лехин прильет. Он и так в бешенстве, не понимает, зачем возиться с девчонкой с улицы, когда после первого же намека – только свистни – Аронову доставят сотни, если не тысячи, портфолио. Все красавицы, свежие, выдрессированные школами и курсами, готовые на все ради славы. Стандартизированные, как этикетки в европейских супермаркетах, и столь же унылые.

Ник-Ник терпеть не мог стандартов.

В кабинет – святая святых процесса и самая уютная по мнению Аронова комната в доме – вошла Эльвира.

– К вам посетитель. – Доложила она.

– Ну так веди.

– Из милиции. – Уточнила домоправительница. – Я велела ждать в вестибюле.

Вместо «вестибюль», Эльвира выговорила «вестибул». Смешно.

– Сказать, что вы заняты?

– Нет, отчего же, – Ник-Ник с наслаждением потянулся,

чувствуя, как ноют затекшие мышцы. Да он которые сутки из-за стола не встает, неплохо было бы прогуляться. Хотя бы до «вестибула».

– Подайте кофе, чай, печенье... ну, не мне вас учить. Я сейчас подойду.

У милиционера было настолько выразительное лицо, что Аронов испытал дикое желание вписать в грядущий проект и его. А что: суровый север Джека Лондона, собачьи упряжки, медведи гризли, шаманские бубны и медвежьи черепа... Людям бы понравилось. Или пойти не на Север, а на Восток? Липкая халва, шелковые шаровары, тугой лук и низкорослый конь с лохматой гривой. Дрожи земля: идет потомок Чингисхана...

Потомок Чингисхана с откровенным любопытством, свойственным лишь варварам, рассматривал часы – неплохая стилизация под конец 19 века. Аронов мог бы позволить и оригинал, но зачем? Антиквариату место в музее, а для дома сойдет и стилизация. К тому же стилизация оставляет большой простор для фантазии.

Взять хотя бы эту картину: узкоглазый дикарь в синих джинсах и черных носках – Эльвира видимо не сказала, что разуваться нет необходимости – любуется чудесной безделушкой из прошлого. Да, в этом что-то есть... нужно будет поработать, добавить деталей, сакцентировать внимание на разнице... но потом, потом, сначала следует узнать, чего ему надо.

Интересно, как зовут это чудо?

Якут

В этом особняке Эгинееву было неудобно, примерно как рыжему таракану, попавшему на вылизанную рачительной хозяйкой кухню. Того и гляди появится рука с резиновым шлепанцем и недолгая тараканья жизнь бесславно закончится. Суровая дама средних лет – наверное, хозяйка дома – препроводила Эгинеева в огромный – трехкомнатная квартира новой планировки с двумя балконами и отдельным санузлом – зал. А тапочек не предложила, только неодобрительно хмыкнула, когда Кэнчээри разулся. Вот и пришлось топтать в носках по холодному полу. Ковер в комнате – если помещение таких размеров можно именовать комнатой – был, но маленький, невзрачный, непонятного зелено-бурого цвета. Тряпка, а не ковер.

– Ждите, – велела дама, – я о вас доложу.

Эгинеев присел на краешек дивана. Странная здесь мебель, ни на что непохожа. Столик изящный, точно игрушечный, зеркало в тяжелой раме, стулья с львиными лапами – такие Эгинеев в кино видел – и современные кресла, тяжелые, бесформенные, точно разбросанные по комнате куски замороженного теста.

Ждать пришлось довольно долго. Или это время шло очень медленно?

Огромные, в человеческий рост, часы шумно тикали, а стрелка не шевелилась: Эгинеев специально смотрел. Смотрел и засмотрелся: уж больно хороши часы, с завитушками, ангелочками и двумя дамами в пышных нарядах. Дамы улыбались, стыдливо пряча улыбки за позолоченными веерами, а Кэнчээри пропустил появление Сафрнова. Только вздрогнул, когда сзади раздался мягкий голос.

– Красивые, правда?

– Что?

– Часы красивые. Позвольте представиться, Николас Аронов.

– Капитан Эгинеев. – Кэнчээри привык представляться по фамилии, иногда с помощью подобной нехитрой уловки удавалось избежать глупых вопросов по поводу имени. Иногда, но не сейчас. Аронов улыбнулся, хитро, совсем как те дамочки со старинных часов, и задал неизбежный вопрос.

– А имя?

– Кэнчээри Ивакович.

– Кэнчээри... Красивое имя. Необычное. Пожалуй, именно это я и ценю в именах. Кэнчээри... Ивакович... Наверное, вас часто величают Ивановичем.

– Да.

Эгинеев представлял себе модельеров несколько другими. Более женственными, манерными и большей частью нетрадиционной сексуальной ориентации. Это ведь модно быть геем. А Аронов выглядел обычно. Ну совершенно, аб-

солютно обычно. Одежда дорогая, это да, а в остальном – сосед Васька со второго этажа, школьный учитель, страдающий безденежьем и малопонятными стихами поэтов-символистов. Тот же слегка отрешенный взгляд, блуждающая улыбка, слегка опухшая физиономия и покрасневшие глаза. Если Ваську чуток подкормить и засунуть в этот барский халат, то с Ароновым будут выглядеть родными братьями. Но следующий вопрос Аронова поставил Кэнчээри в тупик.

– А вы никогда не пытались сделать карьеру модели?

– Я?

– Вы. У вас интересный типаж.

– Ага, типаж... – Слово "типаж" у Эгинеева прочно ассоциировалось с фильмом "Иван Васильевич меняет профессию", там режиссер Якин тоже все время про типаж твердил.

– Лицо характерное, – пояснил Аронов. – Вы ведь не русский? Я имею в виду национальность. Надеюсь, подобный вопрос не оскорбляет вас? Меньше всего хочется оскорбить родную милицию, а то бывал я как-то в Штатах, задал кому-то вопрос о национальности, так едва под суд не попал. Оскорбил, видите ли. Слава Богу, у нас люди попроще. Так вы не русский?

– Якут.

– Интересно... – Аронов уселся в кресло, похожее на раздавленную жабу светло-желтого цвета, и вытянув ноги, пояснил. – Затекли, проклятые. Целый день из-за стола не вылезал. Работать сядешь, увлечешься, а потом вот мышцы бо-

лят... Ну и чем могу помочь милиции? – спросил Аронов.

– Вы знакомы с Романом Сумочкиным?

– Сумочкиным? Роми? Почти Реми, мальчик стремился облагородить фамилию, мечтал о Франции... Да, к сожалению, я знаком с Романом Сумочкиным. Вернее был знаком. Если не ошибаюсь, наш Роми скоропостижно скончался.

– Не ошибаетесь. – Эгинеев поерзал, сидеть на диване было жестко и неудобно, Кэнчээри казалось, что малейшее неловкое движение и обивка – светлая ткань с золотыми лилиями – будет испорчена. – А почему "к сожалению"?

– Во-первых, он умер, а это неприятно. Наверное, я покажусь вам циничным, но, как работодателю, смерть Роми мне невыгодна. Теперь придется искать нового человека, учить его, приравниваться к манере работы... А в нашем бизнесе это непросто, поэтому я и сожалею... взял бы в свое время другого, не Роми, а, скажем, какого-нибудь Игоря или Сережу, этой проблемы и не возникло бы. Понятно?

– Не очень.

– Потом поймете, – отмахнулся Аронов. – С другой стороны... с другой стороны, даже будь он жив и здоров, мне все равно пришлось бы его уволить.

– Почему?

– Боже мой, только не делайте вид, будто не знаете, Ле-хин должен был рассказать, что Сумочкин работал на конкурентов. Глупый, амбициозный мальчишка, готовый ближнего своего в дерьме утопить, но до цели добраться. Не люблю

таких. – Аронов поскреб переносицу, плебейский жест замечательно увязывался с неприятной внешностью знаменитого модельера. – Я собирался его уволить, но в силу неких обстоятельств вынужден был уехать на некоторое время... вы, наверное слышали, из этой поездки сделали сенсацию.

– Говорили, что вы исчезли.

– Уехал, всего-навсего уехал по личным делам, а парень взял и скончался. Неприятно, черт побери. Знаете, многие творческие люди благоговеют перед смертью, ищут за последней чертой некую истину. Откровение, абсолютное знание, но я не из таких. В этом отношении я совершенно стандартный, среднестатистический представитель вида Homo sapiens, который боится смерти и старается с ней не сталкиваться. Именно поэтому я и сожалею, что был знаком с Романом. – В этой откровенности Аронова было что-то в крайней степени неприличное, сродни тому, как рассказывать о болезнях незнакомому человеку. В дверь печальной тенью проскользнула горничная – насколько Эгинеев знал, неприличные девушки в строгих невыразительных платьях именуются горничными. Девушка толкала перед собой стеклянный столик на колесиках.

– Кофе? Чай? – Любезно предложил Сафрнов.

– Кофе, пожалуйста. – Некоторое время сидели молча, дожидаясь, пока девушка, разлив по крошечным чашечкам ароматный напиток, удалится. Кофе был изумительный:

крепкий, горячий, с тонким привкусом шоколада.

– Коньяк?

– Нет, спасибо.

– На службе не употребляете?

– Вообще не употребляю. – Эгинеев вздохнул: его взаимоотношения с алкоголем были сложными, запутанными и служили еще одной причиной дурацких шуток со стороны коллег. Пить Эгинеев не умел совершенно, ладно водка, но ведь и рюмка какой-нибудь сладкой пакости, до которой так охоч женский пол, вызывала моментальное опьянение с тошнотой, потерей координации и последующей головной болью.

– Это хорошо, что не употребляете, а я вот, знаете ли, иногда позволяю себе отдохнуть. Без хорошего отдыха нет хорошей работы. Итак, давайте вернемся к нашему барану. Рома, Ромочка, Роми. Вычурная «Р», обрамленная виноградной лозой...

– В смысле?

– У него эмблема такая была: «Р» и лоза. Означало Роми.

– Зачем?

– А зачем клеймо ставят? Или подпись под картиной? Чтобы знали, чье творение. Ну сами посудите: кто купит вещь от Романа Сумочкина? Никто. А скромная... ну, относительно скромная, буква – совсем иное дело.

– Ничего не понимаю. – Эгинеев и вправду ничего не понимал. Почему нужно выдумывать какой-то псевдоним? Почему покупают вещи «от Зайцева», но не станут покупать «от

Сумочкина»? Глупо. Еще более глупо, что этот тип, Аронов, похожий на соседа-Ваську, с небрежной легкостью оперирует слабовразумительными образами мира высокой моды. Кофе давно остыл, серебристая салфетка, впрочем, как и вся окружающая обстановка, выглядела претенциозно и словно намекала, что пора бы чужаку отправиться восвояси. Этот дом слишком хорош для обычного капитана, да и Аронов не тот человек, с которым можно было бы поговорить запросто. При других обстоятельствах – хотя, какие еще обстоятельства, кроме расследования могли привести его сюда – Кэнч-ээри давно ушел бы, но не сейчас. Сейчас надо вытянуть из Аронова все, что тот знает о погибшем, а Аронов молчит, и за молчанием его чудится насмешка.

Ладно, пора перехватить инициативу в свои руки, и откашлявшись, Эгинеев спросил:

– Значит, Роман Сумочкин работал на вас, но продавал информацию конкурентам, поэтому вы хотели его уволить.

Дневник одного безумца.

Он что-то подозревает. Он хитер, хоть и кажется простоватым, открытым парнем. Ты должна знать, сколь лжива эта маска. В нашем Арамисе нет ни грамма простоты.

Помнишь девятый класс? Мы, улучив момент, залезли в журнал и выправили оценки – очень хотелось закончить год, если не на отлично, то хотя бы без троек. Кто участво-

вал? Я, Портос и он. Мы трудились над журналом, а Арамис стоял на стреме, это был его план, гениальный, как нам тогда казалось. А на деле что вышло? Он потом клялся и божился, что не виноват, что Матрешку, нашу завуч, заметил слишком поздно, якобы он даже пытался отвлечь ее разговором, но не вышло. Но почему тогда мы не услышали голосов? Почему наказали только нас с Портосом? Почему никто не заподозрил Арамиса? Уж не потому ли, что вся эта история с журналом – подстава? Спросишь, зачем? Отвечу. Нас с Портосом приговорили к трудовым работам, мы весь июнь полы в школе мыли, да задачки по математике решали, а Арамис с тобой по гулял. Кафе, кино, речка... Ему и в голову не пришло предложить свою помощь, он ведь не настолько благороден, как наш тихоня-Атос, который каждый день в добровольном порядке являлся в школу, чтобы вместе с нами драить эти чертовы коридоры. А где был Арамис?

Я не виню тебя, ты была свободна в своем выборе, я не настолько эгоистичен, чтобы требовать ответной любви или, боже упаси, упрекать тебя в чем-то. Лишь свободный человек умеет любить искренне, а я безумно хотел искренности, и безумно ревновал, вынашивая планы мести. А ты смеялась над моими домыслами и мирила нас, раз за разом, день за днем.

А ведь он нарочно выводил меня из равновесия, нарочно дразнил, втягивал в долгие, бесполезные споры. О да,

наш Арамис умел спорить, он орудовал словами, как хирург скальпелем. Раз и противник корчится от злости. Два – он уже смешон. Три – и ни один разумный человек не примет всерьез доводы этого шута...

Я был глуп. Я позволял обращаться с собой, как с шутком, как с мальчишкой, который все никак не перерастет старый спектакль. А мне нравилось называть тебя Констанс, и тебе нравилось это имя, я знаю, я все о тебе знаю.

Ты любишь вареную колбасу и терпеть не можешь вареное мясо. Обожаешь шоколадное мороженое, а от фруктового у тебя сыпь, и от клубники тоже сыпь. Твои любимые цветы – фиалки, а вот розы и гвоздики тебе не по вкусу. Ты мечтаешь отрезать косу и сделать завивку...

Следует говорить "мечтала", "любила", "обожала". В прошедшем времени. Тогда, двадцать пять лет назад ты осталась в прошедшем времени, а мы все ушли в будущее.

Я обязательно исправлю эту ошибку.

Творец

– Да. – Ник-Ник наслаждался каждой минутой этого разговора. При ближайшем рассмотрении капитан – какое невзрачное, средненькое, обобщенное звание, не майор, не подполковник, не генерал, а всего-навсего капитан – оказался прелюбопытнейшим созданием. Во-первых, он совершенно растерялся в непривычной обстановке. Во-вторых, пони-

мал, чем эта растерянность вызвана, и злился на себя, нервно покусывал губы, елозил взглядом по стене и шумно вздыхал, когда мысли его заходили в тупик. В-третьих, он интересовался Сумочкиным.

Странно. Лехин – верный Ланселот-Лехин, готовый прикрыть старого друга – сказал, будто дело закрывают. Поэтому сегодняшней визит более чем необычен. Хотя, возможно, это очередная бюрократическая формальность.

А Ромка-подлец помер. Не то, чтобы Аронову было жаль мальчишку – Ник-Ник не испытывал жалости к неудачникам – но неудобства, которые Сумочкин умудрялся доставить своей нелепой смертью значительно превосходили все неприятности, доставленные этим паразитом при жизни. Вчера вон Лехин газету притащил с заголовком в полразворота: «Аронов избавляется от конкурентов!». А ниже слезливая статья о том, как злой Аронов, «пользуясь старыми связями с криминальным миром, оборвал творческий путь молодого, но талантливо модельера...» Это про Сумочкина. Дескать, именно Сумочкин делал всю работу, а Ник-Ник присваивал лавры, но когда Рома захотел работать самостоятельно – можно подумать, у него были на это деньги – Аронов убил беднягу.

Чушь. Чушь и бред.

– И ему платили?

– Платили.

Идиотский вопрос, в нынешнее время работать чисто «за

идею» не принято. Кончено, Ромочке платили и платили неплохо, если тот решился поставить на карту будущую карьеру.

– И много?

– Знаете, как-то не довелось спросить. Впрочем, думаю, дело не в деньгах.

– А в чем тогда? – Черные глазки капитана смотрели недоверчиво, круглые щеки маслянисто блестели, а кадык подергивался, точно рыба на крючке.

Кстати, если по низу платья пустить орнамент из рыбок... хорошая мысль, надо будет попробовать.

– Ромочке обещали возможность выпустить коллекцию под своим собственным именем.

– И что?

Нет, капитан упорно отказывался понимать, военные и милиция поражают своей ограниченностью. Имя, коллекция, мода... максимум, что они способны понять – деньги, но тут дело точно не в деньгах.

– Выпустить авторскую коллекцию. Я имею в виду серьезную коллекцию, а не пятиминутную презентацию в местном доме детского творчества. Так вот, выпустить авторскую коллекцию в солидном доме моды довольно сложно, для модельера, возраста и калибра Ромочки, практически невозможно. Люди годами добиваются, работают день и ночь, а он захотел, чтобы все быстро и без особых усилий.

– Так не бывает.

– Вот и я о том же. А Ромка сорвался. Не стану врать, будто не виню его. Виню, каждый делает свой собственный выбор, Сумочкин тоже его сделал. С другой стороны, я как руководитель тоже виноват. Не доглядел, недопонял, неправильно оценил человека.

Капитан зевнул. Зубы у него мелкие, ровные, чудо, а не зубы. Причем свои – вряд ли у обыкновенного капитана есть деньги на приличного стоматолога. Зевает... Скучно ему.

– Между тем, говорю, как специалист, до собственной коллекции ему было расти и расти. Нет, Рома был талантлив, бесталанных у меня нету, но талант – это еще не все. У него проскальзывали интересные идеи, но именно проскальзывали, да так быстро, что он их не видел. Упирался лбом в что-то одно и начинал ходить вокруг да около. А вот в перспективе, чтобы не череда одинаковых нарядов, отличающихся мелкими деталями, а именно коллекция, до этого Ромочке еще расти и расти.

– Уже не вырастет, – резонно заметил мент.

– Печально. Да, хотел спросить, отчего он умер? Несчастный случай? Самоубийство?

– А были предпосылки? – Круглолицый капитан хитро щурился, глаза заплывали за щеки, отчего лицо казалось безглазым.

– Насчет предпосылок – не буду врать, не знаю. Причина... вряд ли Рома догадывался, что служба безопасности узнала про его танцы с конкурентами... А вы уверены, что

это самоубийство?

– Ну, как сказать... – Мент вздохнул. – Эксперты говорят, что это отравление, а в таком случае довольно сложно установить: убийство это или самоубийство.

Неприятные слова повисли в воздухе. Убийство. Отравление.

Отравление? Чересчур хорошо для одного маленького подлеца. Яд – орудие избранных. Крошечная капелька смерти на конце иглы, короткая боль от укола, и долгое забвение. Скромный бокал с красным вином, легкий шелковый шарф или смертельный завиток синего дыма.

Отравление... Роман и отравление... Смешно. Потолок Сумочкина – поножовщина в третьеразрядном кабаке или автомобильная авария по вине пьяного идиота, но никак не отравление.

– И что вы по этому поводу думаете?

Капитан дружелюбно улыбался, а Аронов пытался собрать мысли вместе. Рому отравили – в то, что Сумочкин сам проглотил яд, Ник-Ник сомневался – в него стреляли.

И какая здесь связь?

Неприятно, в крайней степени неприятно, и главное – до чего же не вовремя... Наверное, следует обратиться к Лехину, пусть поднимет старые связи, наймет кого-нибудь, заплатит, пусть сделает хоть что-нибудь, лишь бы это безумие с убийствами прекратилось.

Якут

Из особняка Эгинеев выходил в расстроенных чувствах. Преобладала зависть – вот это высший класс, иметь в центре Москвы не квартиру, кого этим удивишь, а настоящий полноценный, пусть и скромных размеров, но особняк с колоннами, гаражом и английским газоном индивидуального пользования. А он, капитан Эгинеев Кэнчээри Ивакович квартиру разменять не может. Да вся его квартира вместе с ванной и кладовкой – дополнительные два с половиной квадратных метра – в холле уместится. И чем этот Аронов лучше? Что он такого полезного делает? Поневоле задумаешься: а так ли уж неправы были коммунисты-революционеры в семнадцатом году?

Зависть прицепом волокна подозрительность, заставляя выискивать малейшие детали в поведении Сафрнова, и пристраивать их к новорожденной версии.

Слишком спокоен? Правильно, уверен в собственной безопасности. Деньги и связи защитят обывателя Сафрнова от подлых инсинуаций милицейского капитана, который всем известен своей чрезмерной подозрительностью и патологической нелюбовью к богатым людям.

Ладно, Бог с ним, со спокойствием, куда больше Эгинеева поразила реакция свидетеля на новость об отравлении. Страх, беспокойство, удивление еще можно было бы объяс-

нить, но тот факт, что Сафрнов улыбался! Его сотрудника отравили – пускай только предположительно – а он улыбается! Это как понимать?

Собственный мопед, одиноко стоящий у мраморных ступеней, выглядел несчастным и брошенным. У Аронова, небось, «Мерседес» последнего года выпуска... Или нет, «Мерседес» – чересчур обычно для такого типа, как он, значит в гараже стоит что-нибудь экзотическое, вроде элитного жеребца марки «Мейнбах» или вызывающе-дорогого «Моргана»... Или вообще карета времен императрицы Екатерины II, а к ней имеются слуги в ливреях, кучер и парочка грумов нетрадиционной сексуальной ориентации. Мужики в отделе утверждали, будто в «модном» бизнесе нормальных мужиков нету, одни голубые, и советовали Эгинееву «беречь задницу».

Придурки.

Аронов выглядел нормальным, хотя... кто их там знает, может и голубой – это его личное дело. Правда воображение моментально нарисовало свежую версию: неземная любовь, ревность, расставание, раненое сердце и яд в шампанском...

Гадость какая.

Но ведь кто-то же отравил парня.

Или все-таки самоубийство? Самоубийство оформить легче, с другой стороны чутье, то самое чутье, которым Эгинеев тайно гордился, подсказывало, даже не подсказывало, а орало во весь голос – самоубийством здесь и не пахнет.

Чересчур красиво, чересчур изысканно для самоубийства и совершенно, совершенно неправдоподобно...

Начальство настаивает на закрытии дела и вряд ли похвалит за проявленную инициативу. А если Аронов пожалуется...

Ладно, Бог даст, обойдется.

Химера

Клиника пластической хирургии, куда я попала благодаря Ник-Нику – исправлять форму глаз и форму губ – совершенно не походила на больницу. Санаторий, дом отдыха высшей категории, но не больница. Улыбчивые, вежливые до невозможности медсестры, строгие врачи с интеллигентными лицами, четырехразовое питание, спортзал, бассейн, солярий, диетолог, тренер... всего и не перечислишь.

Не знаю, в какую сумму влетело Аронову мое пребывание в этом раю, но я наслаждалась каждой минутой, педагогов нет, Лехина нет, Ник-Ника нет. Зато есть тишина и покой. И врачи здесь хорошие, внимательные и профессионалы ко всему. Они с моим лицом что-то такое сделали: опухоль уменьшилась, кожа перестала шелушиться и цвет с темно-бордового стал просто красным, ну, будто щеку свеклой натерли. Нет, выглядела я по-прежнему ужасно, но уже не так ужасно, как раньше. Сложно объяснить, но и уродство имеет свои степени. В общем, благодаря усилиям врачей я

стала чуть менее уродливой, чем раньше. Плюс сбросила три килограмма, немного загорела в солярии, привела в порядок волосы и ногти. Благодать.

Сегодня, правда, последний день этой благодати: возвращаюсь в уютный дом Аронова, к занятому Ник-Нику, раздраженному Лехину и вечно недовольной Эльвире.

Аронов грозился лично забрать меня из больницы: ему не терпелось увидеть результат. Я ждала приговора со страхом и надеждой: от Ник-Ника зависела моя дальнейшая судьба – или пан, или пропал.

– Что они сделали с твоей кожей? – Заорал Аронов с порога. – Да что же это такое? Никому простейшего дела нельзя доверить!

– Что не так?

– Что? Она еще спрашивает «что не так»?! Да ты... Ты видела себя в зеркале?

– Каждый день, – вопли Аронова раздражали, его что, возмущает тот факт, что мне немного помогли? Значит, он хотел, чтобы я оставалась полной уродиной?

– Ты загорела. Господи боже ты мой, осень на улице, дождь целыми днями, а ты загорела!

– Я в солярий ходила.

– Дура! – Ник-Ник сел на кровать и вытер вспотевший лоб платком. – Какая же ты дура, Ксана. В солярий она ходила... добровольно загубить такую кожу...

– А по-моему стало лучше.

– Лучше? Да у тебя была замечательная, удивительная белая кожа.

– Как у утопленницы.

– Белый фарфор, – Аронов мое замечание не услышал, – лунный свет и извечная тайна ночи... Утопленница...

Нет, все-таки услышал.

– На утопленницу ты теперь похожа. Вернее, на недожаренную курицу с пупырчатой шкурой цвета прокисшего майонеза.

– А мне кажется, стало лучше, – возражала я по привычке и еще потому, что было стыдно: Ник-Ник так старался ради меня, столько денег вложил, а я взяла и испортила всю затею. Сейчас Аронов встанет, швырнет паспорт и скажет, что я свободна и могу возвращаться в свои катакомбы. А я не хочу в катакомбы.

Я хочу стать красивой.

– Лучше... Можно подумать, ты знаешь, что для тебя лучше. – Ник-Ник поднялся. – Ладно, сам виноват, что не предупредил. На будущее, Ксана, солнце – твой враг.

– Представить себя вампиром? – Я уже поняла, что прогонять меня пока не будут, и осмелела. В конце концов, я действительно не знала, что загорать нельзя, а врач сказал, что, если ходить в солярий, то рубцы быстрее заживут.

– Если хочешь. – Ник-Ник был спокоен и отрешен. – С кожей разберемся... да... ты собралась?

– Давно.

– Тогда чего сидишь? Вперед давай. Хотя, стой, совсем забыл, это тебе. – Аронов протянул целлофановый пакет пронзительного желтого цвета. – Надеюсь впору придется.

– Маска?

– А ты бальное платье ждала? Рановато... Да, Ксана, еще одна выходка, ну, вроде солярия, и с мечтой о бальном платье придется попрощаться. Ты все еще хочешь стать красивой?

Пальцы теребили пакет, но не решались достать маску. Там, внутри пакета, она казалась чем-то далеким и неприятным, как визит к стоматологу, а выпусти ее наружу и ничего нельзя будет изменить. Впрочем, я ничего не хочу менять. Разве что, убрать синие льдинки из глаз Ник-Ника.

Я хочу, чтобы он улыбался.

Я хочу стать красивой.

Я ответила:

– Да.

– Тогда ты живешь по принципу: запрещено все, что не разрешено. Если тебе чего-нибудь захочется: сделать татуировку, подстричь волосы, побрить подмышки... спроси, ладно? Хотя подмышки можешь брить и без спроса. Понятно?

– Понятно.

– Тогда одевай.

Я и раньше носила маску – Ник-Ник настаивал – но та была больше, массивнее, она закрывала все лицо от линии роста волос на лбу до подбородка. Для глаз и рта – разрезы. С

той маской я чувствовала себя одновременно оскорбленной – как железный человек из знаменитого фильма – и защищенной. Никто не видел лица, никто не назвал бы уродиной. А в пакете лежал кусок темно-зеленого пластика, короткий и ассиметричный – с одной стороны шире, с другой уже. На ощупь маска была холодной и скользкой, к лицу прилегала плотно.

– Неплохо, неплохо, – Аронов поправил маску. – Здесь можно будет уменьшить... ассиметричность, как способ скрыть и показать... Ладно, Ксана, дома разберемся, поехали. Да не держись ты за нее руками, не упадет.

– Почему? – Мне казалось, что стоит отнять ладони, и маска упадет на пол. А еще она прозрачная, мутная, но прозрачная. То есть сквозь нее видно! Хочу старую, но Аронова нужно слушаться.

– По кочану. Меньше вопросов, больше дела. И собирайся, черт бы тебя побрал, собирайся, некогда мне возиться.

Ну вот, сказка закончилась, начинаются суровые будни. Задавив обиду на корню – дуться на грубость Аронова по меньшей мере глупо, по большей – неблагоразумно – я подхватила сумку.

– Куда идти?

– Вперед, милая, только вперед! – Ник-Ник наконец-то соизволил улыбнуться, и мне сразу полегчало. Ну, вперед, значит вперед.

За день до...

На Стефанию не нашлось ни одного из платьев Адетт. Бедная Адетт, на ее лице отвращение и непонимание – за что Господь так сурово наказал бедняжку Адетт? За какие грехи ниспослал испытание столь суровое?

А ведь она и в самом деле не понимает. Адетт уверена, что заслуживает лучшего, нежели нечаянная встреча с давно позабытой родственницей. Этой родственнице придется жертвовать время и наряды... О, за наряды Адетт переживала гораздо больше, чем за время. А еще она ненавидела толстую бабушку, которая обосновалась в ее доме, пела дурным голосом в ванной комнате, требовала личную служанку и – какой кошмар! – угрожала разоблачением.

– Я так больше не могу! – У Адетт нет сил, она падает на софу и всхлипывает. – Зачем, зачем ты приволок ее сюда?!

– Она обещала пойти в газету...

– Ну и что?! – У Адетт не хватает терпения дослушать. – Пусть бы шла.

– Она угрожала рассказать...

– И кто бы поверил? Бредни бедной сумасшедшей русской. О, Революция столь ужасна, на долю бедняжки выпало столько испытаний, что разум ее помутился... Адетт Адетти – дитя Франции, она никогда, слышишь, остолоп, никогда не бывала в России! Об этом знаю все!

– Тогда вышивырни ее вон.

– Поздно. Уже поздно. Софи... Она видела и тебя, и ее... Как некстати. – Адетт кончиками пальцев трет виски. – Теперь ей, если не поверят, то хотя бы прислушаются. Ты ведь узнал, привел сюда, она жила и... Сплетни пойдут.

– А что делать?

– Скажем, она – наша бедная родственница. Очень-очень дальняя родственница. Троюродная племянница... Нет, лучше тетка. Ее мать когда-то уехала в Россию, дочь родилась там же, все было хорошо, просто замечательно – дом, семья, дети, но внезапно случился этот кошмар – Война, Революция, большевики, террор... Бедняжке удалось бежать во Францию, но перенесенные тяготы печальным образом сказались на ее душевном здоровье. Если приплести погибших детей и мужа, то получится очень мило, как ты считаешь? А ей разъясни, что она, конечно, может навредить мне, но в этом случае потеряет единственную возможность комфортного существования. Она, хоть и дура полная, но вряд ли захочет возвращаться к своим каштанам.

– Ты стерва.

– Может быть... – Адетт улыбнулась. – Очень даже может быть.

Творец

Настроение было хуже некуда. Аронову хотелось смеяться и плакать одновременно, или же тихо страдать над рюмкой

водки, он давным-давно смирился с этим состоянием, понимая, что оно – неотъемлемая часть процесса созидания. Сначала взлет, энергия, мысли, идеи, желание работать и радоваться работе, а следом падение в глубокую депрессию, когда остается минимум желаний, минимум энергии и максимум злости. Все вокруг раздражает, вчерашние идеи кажутся пустыми, вторичными и совершенно неродными.

А еще это самоубийство... Лехин утверждал, что беспокоится не о чем, что смерть Сумочкина не имеет ровным счетом никакого отношения к «л'Этуали», и вообще дело закрыто за отсутствием состава преступления.

Самоубийство... Какое к чертовой матери самоубийство? У Сумочкина хватило духу наложить на себя руки? Да ни в жизни. К несчастью газетчики придерживались аналогичного взгляда. И ведь разнюхали же, гады. «Убийство на подиуме», «Кровавое цветы красоты», «Модельный бизнес по-русски»... Заголовки ужасные, картинки, которыми снабжались статьи, еще ужаснее. Главное, фотографии никакого отношения к «невинно убиенному» Сумочкину не имеют, так, какие-то совершенно посторонние фотографии совершенно посторонних трупов, причем отвратительнейшего качества... а чего еще ждать от желтой прессы? Понимания? Сочувствия? Да это шакалье уже попробовало крови и теперь воеет, предвкушая прилюдное жертвоприношение.

Отвратительно. Аронов никогда не любил газетчиков, а в настоящее время попросту их ненавидел.

Лехин утверждает, что из-за проклятых статей упали продажи, и начинать новый проект сейчас – неблагоприятно.

Неблагоприятно! Да если что и вытащит «л'Этуаль» из этой ямы, то только новый проект. Новый проект и новая коллекция.

А с Ксаной неплохо поработали, клиника полностью отработала уплаченные деньги, пусть Лехин и скулит, что тамошние врачи дерут втридорога, но зато какие профессионалы! И маска сидит идеально, кожу чуток осветлить и будет самое то.

Итак, платье готово, маска... ну практически готова, Ксана тоже. Замечательно. Ник-Ник уже назначил первый выход «в свет». Смешно, времена посткоммунистические, а порядки прежние, дореволюционные. Хотя до революции ни его, ни Ксану не пустили бы и на порог мало-мальски приличного дома, а теперь остается лишь выбрать из кипы приглашений то, которое больше всего подходит для представления Ксаны.

Первый выход – это очень, очень важно. Справится ли она? Будущая звезда в настоящий момент больше всего напоминала раскаявшуюся монашку. Хотя, с чего бы монашке каяться? Вернее, в чем? Глупая мысль ненадолго подняла настроение.

Но Ксана, Ксана... Может, стоит обождать? Но время – деньги. Айша наглеет не по дням, а по часам, почувствовала себя на коне и совершенно распоясалась. Просто славы ей

уже мало, денег захотелось... Пусть поклонников своих до-
ит, а он, Николас Аронов, знает истинную цену ее так назы-
ваемой красоте. Может, намекнуть, вытащить немного про-
шлого на свет божий? Нет, не стоит, Айше и так недолго
осталось, посмотрим, как она отреагирует на появление кон-
курентки.

Впрочем, и гадать не стоит: Айша закатит скандал. Лад-
но, в нынешней ситуации скандал подобного толка пойдет
«л'Этуали» на пользу. Пусть лучше говорят о ссорах между
моделями, чем об убийстве.

А ему нужно не себя жалеть, погружаясь в депрессию, а
работать. Работать, работать и еще раз работать, как завещал
великий Ленин.

Аронов улыбнулся, неожиданно грядущие перспективы
показались не такими и мрачными.

Якут

Дело пришлось закрыть. Начальство решило, что смерть
Романа Сумочкина является самоубийством, начальству
виднее, а капитан Эгинеев, имеющий собственное мнение на
сей счет, может оставить его при себе.

Не самоубийство это, Кэнчээри готов был поставить лю-
бимый нож против одноразовой пластмассовой вилки, что
Сумочкин умер не по собственной воле.

Но тогда как? Яд обнаружился в бутылке шампанского,

причем не привычного, милого сердцу и взгляду «Советского Юбилейного» в тяжелой зеленой бутылке, и пластиковой пробкой, укрытой колпачком из мятой фольги, а самого что ни на есть настоящего французского шампанского с изящными завитками на этикетке и претенциозным названием.

«Veuve Clicquot Ponsardin Brut».

Ни больше, не меньше. Эгинеев уточнял стоимость – от полутора тысяч евро за бутылку. Станный выбор для мальчишки, который каждую копейку откладывает на открытие собственного дела. Более чем странный.

Здесь два выхода: первый, Роман Сумочкин действительно сам свел счеты с жизнью, но уйти захотел красиво, отсюда и дорогущее шампанское, и редкий яд, и сама обстановка смерти. Возможно, но мало правдоподобно. Второй: Роман Сумочкин раскопал настолько ценную информацию, что конкуренты пообещали до конца жизни носить перебежчика на руках. Отсюда шампанское – праздновал победу. А яд? Служба безопасности Аронова следила за Сумочкиным и устранила, не дожидаясь, пока он передаст сведения конкурентам? Сами конкуренты «расплатились» с предателем? Ну и вариант третий: отравленную бутылку прислали... вопрос: кто прислал и зачем. Ответ... ответа нет.

– И долго ты страдать будешь? – Верочка была недовольна. В последнее время Верочка постоянно была им недовольна. Верочка желала иметь собственную квартиру и считала, что Кэнчээри плохо старается, раз до сих пор не отыскал под-

ходящий вариант. А в последнее время – страшно сказать – он вообще забросил дело с разменом. И это в тот момент, когда дело достигло критической точки – свадьба через неделю!

– Ты в Черемушки ездил?

– Ездил.

– И что?

– Ничего. – Меньше всего на свете Эгинееву хотелось говорить о Черемушках, размене и риэлторах, обещающих повернуть все быстро и недорого. Все равно у него, капитана Эгинеева, никогда не хватит денег на настоящий особняк, такой, как у Аронова. Как и следовало ожидать, Верочка завелась с полуоборота.

– Я тебе говорила! Я просила тебя заняться! Я поверила, что ты справишься! Я...

В такие минуты Эгинеев сестру ненавидел. Откуда только взялись эти визгливые нотки в голосе, это самомнение, эта непоколебимая уверенность в собственной правоте?

– Ты меня не слушаешь!

– Не слушаю, – согласился Кэнчээри. С Верочкой, когда она во гневе, лучше не спорить.

– Ты написал заявление на отпуск?

– Написал.

– И когда уходишь?

– Никогда. – Ну как объяснить Верочке, что его заявление не играет абсолютно никакой роли. Подумаешь, свадьба

сестры, нормальные люди отгулами обходятся, а гражданин Эгинеев, видите ли, отпуск требует, да еще настоятельно так требует, напоминая, что уже три года в отпуске не был. Ну значит пойдет. В феврале. А что, хороший месяц, люди в горы ездят или в тропические страны, чай железный занавес рухнул, езжай, куда душе угодно.

Вот такие, как Аронов и ездят. Новый год на Мальдивах, ужин в Париже, завтрак в Лондоне, уик-энд на даче губернатора Калифорнии... У Эгинеева тоже дача имелась. Два часа на электричке, пять километров по лесу, десять фанерных домиков, воды нет, газа нет, света нет. Зато есть свежий воздух и бесконечные грядки с помидорами... Отчего-то Верочка предпочитала высаживать именно помидоры, а Кэнч-ээри их тихо ненавидел за те редкие свободные дни, которые пропадали на дачных грядках среди хилых зеленых кустиков.

– Только ты, ты один способен поступить так по-свински! Бросить меня один на один со всей подготовкой! – Верочка всхлипнула, но как-то неубедительно, она была слишком рассержена, чтобы правдоподобно изобразить слезы. В любом случае, ее не мешает отвлечь. Чем? Да хотя бы тем же Ароновым. Ну не выходит он из головы! Хоть убей, не выходит! А Верочка сплетни обожает, особенно про звезд, может, чего-нибудь интересного расскажет? А если и не расскажет, то хоть пилить перестанет.

– Что ты знаешь о Аронове?

– Каком Аронове? – переспросила Верочка, аккуратно, кончиком салфетки, вытирая глаза.

– Николасе Аронове. «л'Этуаль», – на всякий случай добавил Эгинеев, если вдруг фамилия Аронова окажется незнакома Верочке.

– Тот самый Аронов? Тебя интересует тот самый Николас Аронов?

– Да, меня интересует тот самый Николас Аронов, – пожалуй, восторженная, приправленная придыханиями и восторженными возгласами речь Верочки раздражала куда больше всхлипываний. Было в ее восхищении что-то ненатуральное, как в бисквитном рулете, который остается свежим на протяжении шести месяцев. Вроде и возможно, вроде и вкусно, но во рту остается прочный привкус химии.

– А почему? Он у тебя по делу проходит, да? Он и вправду приказал убить Роми? А теперь его посадят? – Верочка выстреливала вопрос за вопросом, а Эгинеев терпеливо ждал, когда же вопросы сменятся информацией. Главное – не перебивать.

– Значит, так, – Верочка, позабыв про гнев и слезы, удобнее устроилась на диване, – в общем, «л'Этуаль» – это наш дом моды, точнее, не наш, а российский, ну принадлежит двум друзьям – Аронову и Лехину. Правда этого Лехина никто никогда не видел, он вообще предпочитает в тени держаться. Вроде бы бывший врач, но ушел из-за какого-то скандала, а тут как раз Аронов свою первую коллекцию вы-

пустил, ну и друга детства в бизнес взял, а оно все завертелось.

– Что завертелось?

– Все! Понимаешь, они первыми успели. Сначала приватизировали какое-то швейное ателье, переоборудовали и стали гнать женские наряды «под Францию», а параллельно Аронов во всяких там конкурсах участвовал, моделей находил и зарубеж продавал.

– Как продавал?

– Обыкновенно. Находил девушку, подписывал с ней контракт на определенное время, потом выводил на подиум, обучал и перепродавал контракт в несколько раз дороже. Когда они начинали, агентств модельных еще не было, это уже потом Аронова потеснили. Правда, элит-класс он все равно себе оставил, таких девушек, как у него, ни в одном агентстве нету. Вот, погоди, – Верочка схватила один из журналов, стопкой лежавших на столике, быстро пролистала, что-то бормоча себе под нос, а потом протянула раскрытый журнал Эгинееву.

– Этой Айша.

С разворота смотрела ослепительная девушка, яркая, как огонь, и такая же неповторимо-индивидуальная. Раньше Эгинеев не замечал за моделями такой подавляющей индивидуальности. Круглое лицо, черные волосы, заплетенные в тонкие косички, смуглая кожа, полные губы и хитрые восточные глаза. Она непостижимым образом подчиняла себе

всю картинку, заставляя смотреть на фото именно ее глазами, глазами северной колдуньи, шаманки и воительницы.

– Оглушающее впечатление, правда?

– Правда, – не слишком охотно согласился Кэнчээри.

– Такой все пойдет, – Верочка вздохнула, отдавая дань собственным комплексом. Она считала себя недостаточно стройной, чтобы носить обтягивающую одежду, недостаточно высокой, чтобы покупать мини-юбки, недостаточно красивой, чтобы выходить из дому без косметики. Было время, когда Эгинеев пытался бороться с комплексами и журналами, но бездарно проиграл битву. Куда ему против установившегося, обработанного, оцененного и взвешенного мнения всех этих врачей-модельеров-дизайнеров и прочих творцов красоты.

– И они все такие. Никто не знает, где Аронов их берет, просто однажды он продает контракт своей ведущей модели какой-нибудь посторонней фирме, а взамен приводит новую.

– И модели согласны? – Та журнальная девица не выглядела покорной, эту вряд ли можно перепродать без ее на то согласия.

– А кто их спрашивает? Ты, Кэнни, наивный, как ребенок. Контракт есть, значит, будь добра, работай, пока срок не выйдет. А если откажется, то такую неустойку заплатит – мама не горюй!

– Значит, Аронов зарабатывает на перепродаже моделей?

– Да нет же, это так, дополнительный доход. Он зарабаты-

вает на своих коллекциях. Он вообще любого одеть может и так, что человек сразу другим станет, лучше. У него такие клиенты, что и сказать страшно! Да вся эстрада, почитай, и еще дерутся между собой, кто первый покупает. На некоторые наряды он вообще аукционы устраивает! Прикинь!

Эгинеев прикинул и согласился, что аукцион для платья – это уже чересчур. Верочка, ободренная вниманием, продолжила:

– В общем, одеваться у Аронова – это стильно, круто и отпадно. Да у него одна сумочка больше стоит, чем ты за год зарабатываешь!

Кэнчээри, припомнив особняк с колоннами, согласился. Да, чтобы заработать на такой домик нужно не одну сотню сумочек продать. Один вопрос его не отпускал: но ведь кто-то же их покупает! Покупает по бешеной цене, лишь бы урвать немного наглой, вызывающей красоты, которой готова поделится узкоглазая красавица-шаманка. Урвать немного счастья и стиля, созданного другим человеком. Специалистом.

– Но у Аронова кроме «л’Этуали» имеется несколько магазинов, так сказать, для среднего слоя населения. Там продают готовую одежду, по мотивам коллекций «л’Этуали», но это все равно уже не то, это для тех, кто за лейблом гонится.

– За чем?

– Господи, какой же ты отсталый! За лейблом, ну... за этикеткой, за бирочкой, на которой имя Аронова стоит. Там,

конечно, подешевле, но на настоящей крутой тусовке такой наряд не прокатит, народ теперь с полувзгляда сечет, где и почем прикид брали. – Верочка вздохнула. – Правда, поговаривают, что «л'Этуаль» в кризисе. Вроде как Аронов выдохся, сошел с дистанции, держится на молодых, которых приглашает в «л'Этуаль» работать, а сам чужие идеи прикарманивает. А недавно вообще скандал случился: на конкурсе каком-то, да тужа, а не конкурс, банк один проводил в рамках рекламной акции, а чтобы внимание привлечь, Аронова пригласили. Ну фамилия-то известная. А первый приз достался не Аронову, а какому-то совершенно постороннему парню.

– Может, заслужил.

– Ой, Эгинеев, не надо ля-ля. Заслужил. Тоже скажешь, ты вон давно майора заслужил, а где звезда? Думаешь, там по-другому? Да на подобных конкурсах все места заранее распределены, на халяву не проскочишь. Просто кто-то денег кучу отвалил, чтобы Аронова опустили, его и опустили, конкретно так, на всю Москву. Про этого парня, который первый приз зацапал, уже никто и не помнит, а про то, что Николас Аронов оказался хуже какого-то деревенского самородка, еще не один год говорить будут.

– Преувеличиваешь.

– Ну преувеличиваю. Не год, но месяц точно поговорят. – Верочка раскраснелась, то ли от волнения, то ли от избытка энергии, которой требовался выход.

– У Аронова, небось, сразу продажи в минус пошли.

– Почему?

– Потому. Ну сколько раз тебе нужно объяснять? Или ты меня вообще не слушаешь? Впрочем, чего ожидать, ты никогда меня не слушал. Аронов на плаву, пока он первый. К нему идут, потому что он – самый лучший, самый признанный, самый крутой. Первый сорт. Элита. А перестанет быть элитой – и адью, максимум, что останется – это открыть фабрику по пошиву одежды для подростков, типа «Naf-Naf» или еще кого, чтобы доступно и известно. Но для Аронова – это уже не второй легион, это скамейка запасных, или вообще дом инвалидов. Слушай, а правда он Ромочку убил?

– Пока не знаю. – Врать Эгинеев не умел, тем более Верочке, которая знала его досконально, она не то, что вранье, недомолвки за милю чуяла. – Может самоубийство?

– Туфта, – безапелляционно заявила Верочка, – чтобы Ромка и самоубийство... Да он таким слизнякам был, ты не представляешь. Весь из себя манерный, выпаренный – смотреть противно...

– Стоп, – Эгинеев аж подскочил от удивления. – Так ты что, знала его?

– Ну конечно знала. А тебя это удивляет? Пора бы привыкнуть, что у твоей сестры хорошие связи. А будут еще лучше. Ромочка – это так, мелкая шавка, но вертелся в разных кругах, с одной стороны – почти доверенное лицо Аронова, с другой – обычный парень, которому охота потусоваться и хорошо провести время, не слишком задумываясь о прави-

лах приличия. Ну, чтобы пивка, шашлычка, травки, болтать, о чем душа пожелает... он и болтал.

– И о чем же?

– Да так, о всяком. Тебе интересно? – Кошачьи глаза Верочки загадочно блеснули, – давай меняться. Баш на баш. Я тебе про Ромочку, а ты мне про Аронова. По-моему, честно.

– Вымогательница, – пробурчал Эгинеев, заранее смиряясь с неизбежным. Зато теперь хоть за отпуск и квартиру пилить не станет.

– Журналистка, – поправила Верочка.

Дневник одного безумца.

Сегодня я сделал еще один шаг навстречу тебе, моя Августа.

Не знаю, имею ли я право называть тебя своей? Надеюсь, ты не в обиде. То лето после девятого класса было очень горячим и очень горьким. В июле Матрешка отпустила нас с Портосом на волю, и компания вновь собралась в прежнем составе. Мы, как и раньше, бродили по улицам, валялись на пляже, купались и болтали ни о чем. Наверное, со стороны все выглядело прежним, но я-то чувствовал перемены. Больше не было нас, зато появились мы и вы. Мы – это нежелающие взрослеть мушкетеры, и вы – чересчур уж взрослый Арамис и украденная Констанция. Именно ты держала нас вместе, не знаю, по привычке ли, или тебе и в самом деле

правила наша компания. Арамис, тот явно желал избавиться от нас, эти недвусмысленные намеки, ссоры на пустом месте, это нарочитое чувство противоречия. Если я предлагал пойти к реке, он тут же требовал отправляться в кино, если я говорил про кино, он желал отдыха на природе.

Теперь, спустя годы, я понимаю – он тоже ревновал, он чувствовал себя неуверенно и таким нехитрым способом пытался завладеть твоим вниманием. Я пытаюсь понять, чем же он привлек тебя? Наш Арамис никогда не был красавцем. Да, он умеет подать себя таким образом, что у человека и мысли не возникнет сравнивать себя с Великим и Ужасным.

Хвастун. Он ведь любил хвастать, правда Августа? Он постоянно хвастал, сначала джинсами и кроссовками, которые подарили ему родители, потом тобой, твоей безрассудной, всеобъемлющей любовью, твоей преданностью и постоянной готовностью бежать за ним. Он видел в тебе дрессированную собачку, а ты была королевой. Лишь благородный человек умеет любить столь самоотверженно.

Наверное, тебе неприятны мои рассуждения. Наверное, ты хочешь, чтобы я замолчал, убрался из твоего небытия и доживал эти чертовы три месяца так же, как всю остальную жизнь – тихо и покорно. А я не могу, я копаюсь в прошлом, причиняя боль и тебе, и себе самому. Ему тоже будет больно, очень больно, но потом, позже, моя месть требует денег и времени.

Денег у меня хватает. Еще один занимательный каприз судьбы. У меня есть деньги благодаря ему. Точнее, мы заработали их вместе. Французская звезда – наше общее детище, значит, и деньги общие. О чем это я? О мести и судьбе. Смешно мнить себя орудием судьбы, но как иначе растолковать все эти совпадения? У меня есть причина, мотив, как принято выражаться в милиции, есть желание и есть возможность. Кого как не судьбу следует благодарить за столь редкое стечение обстоятельств?

Я не могу ненавидеть его – мы слишком долго были рядом, слишком сработались, слишком привыкли друг к другу, чтобы ненавидеть. Но это даже лучше, ненависть – эмоция, а эмоции мешают. Пытаюсь размышлять логически. Логика всегда была моей слабой стороной, но за эти годы я научился. Логика – это инструмент, такой же убийственный, как топор в руке маньяка.

Я не стану убивать его, в конце концов, я не бог и не судья, чтобы приговаривать человека к смерти, я сделаю с ним то же самое, что он когда-то сделал со мной. Я отниму у него смысл жизни.

Это жестоко.

Это месть.

Химера

За время моего отсутствия в доме ничего не изменилось.

Разве что Эльвира стала еще более стервозной, да Лехин придирчивым. Последний не скрывал своего отношения ко мне и безумному проекту Ник-Ника, все твердил, твердил, как попугай, что проект обязательно провалится, «л'Этуаль» разорится, а Аронову придется остаток жизни шить одежду для жен чиновников средней руки.

Не понимаю, что здесь ужасного, они тоже женщины и тоже любят хорошо одеваться.

Кстати, об одежде, у меня осталась лишь выделенная Эльвирой пижама да спортивный костюм неизвестного происхождения. Остальное странным образом исчезло. Подозреваю, что без помойки и Эльвиры дело не обошлось. Жаль, вещи хоть и не дорогие, не фирменные, но удобные и привычные, в чужих мне неудобно. Аронов, правда, пообещал, что обязательно соберет для меня целый гардероб, но когда это будет?

Пока же я старалась поменьше выходить из комнаты. Вот и сегодня провалялась целый день на кровати, хотя Ник-Ник велел прочесть книгу по этикету. Книгу я послушно открыла, но одолела ровным счетом двенадцать страниц, на тринадцатой сморил сон – пособие оказалось дико скучным, насыщенным подробностями и совершенно неадаптированным к действительности. Ну в каком российском ресторане, скажите на милость, подадут семь вилок и столько же ложек? Да в жизни не поверю, что такое место существует. Или вот еще. Зачем мне знать, как правильно рассаживать гостей. Я что,

прием устраивать собираюсь? Да Эльвира при малейшем подозрении на подобную вольность удушит меня во сне подушкой.

В дверь вежливо постучали и совсем невежливо, не дожидаясь приглашения, вошли. Еще один пример абсолютной ненужности всяких там пособий. Зачем мне знать правила, которые никто не соблюдает?

– Бездельничаешь, – с полным равнодушием к происходящему безобразию, отметил Ник-Ник. – Книгу прочла?

– Нет.

Против ожиданий, Аронов не разозлился, лишь пожал плечами да заметил.

– Твое дело, сама потом жалеть будешь.

– Ну и пусть, – мне так опостылело спокойное, сытое существование, что дико хотелось поругаться, а Ник-Ник упорно не поддавался на провокации. Полное свинство с его стороны.

– Итак, радость моя, завтра ты переезжаешь.

– Куда?

Ник-Ник поморщился.

– Ксана, когда ты научишься слушать? Перебивать собеседника – признак дурного тона. Хотелось бы, чтобы твои манеры изменились к лучшему. Итак, ты переедешь. Квартира обставлена специально для тебя, вернее, под твой образ, поэтому переклеивать обои, перекрашивать потолок и пол, покупать новую мебель, ковры, хрустальные бокалы и

прочую ерунду запрещено категорически.

– Почему?

– Потому что ты со своим мещанским вкусом моментально сведешь все мои усилия на «нет». Теперь что касается остального: гостей не приглашать, с соседями не знакомиться, и вообще постарайся не выходить без надобности.

– Я под домашним арестом?

– Как тебе удобнее. Хочешь – представляй себя несчастной пленницей на пиратском корабле, хочешь – куколкой, из которой вот-вот вылупится бабочка. А это, Ксана, процесс сложный, излишнее внимание только во вред.

– Ладно-ладно, я поняла.

– Сомневаюсь, но поверю. Значит внешних контактов никаких, о прошлом – друзья, подруги, родственники, любовники – забудь. Одежда... Сам куплю. Ты не согласишься, но женщина в старом, застиранном халате с полотенцем на голове и зеленой маской на лице способна испортить самый изысканный интерьер. Поэтому одеваться будешь так, как я скажу, даже дома. Нет, особенно дома. Никаких интервью, фотографий. Что еще?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.